This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Harvard College Library

BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES

СТИХОТВОРЕНІЯ

СТАРОЖИЛА.

МОСКВА.

1842.

N. D. Ogarkov

СТИХОТВОРЕНІЯ

СТАРОЖИЛА.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1842.

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
April 29, 1938

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Октября 16 го дня 1842 года.

Цензоръ, Профессоръ С. Баршевъ.

ИНИОН

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Авторъ стихотвореній, представляемыхъ благосклонному вниманію просвѣщенныхъ читателей, наименовалъ себя Старожиломъ. Онъ таковъ и есть въ новомъ поколѣніи словесниковъ. Лѣта юности его современны лѣтамъ зрѣлаго мужества Державина. Пѣснопѣнія сего знаменитаго Барда, и великаго Ломоносова переходили тогда изъ устъ въ уста, какъ нѣкогда пѣсни Оссіана у Горныхъ обитателей Шотландіи. Въ училищахъ заимверживались они учащимися какъ образцы высокаго, истинно-поэтическаго. Изученіе образцевъ въ юности основываетъ настроенность духа, похóжую на подражаніе. А въ существѣ она есть только сочувствіе съ первообразами, совпаденіе взгляда и мысли. Любовь къ истинѣ, и всему возвышенному, живо выражающаяся въ произведеніяхъ Старожила,

есть можетъ быть плодъ этой настроенности.

Слѣдуетъ вопросъ: удовлетворяютъ ли Стихотворенія Старожила требованіямъ современнаго вкуса? На этотъ вопросъ можно отвѣчать также вопросомъ: должна ли Поэзія быть рабою современнаго вкуса? Рѣшеніе найдемъ въ понятіи Поэзіи.

Въ изображеніи природы она есть словесная живопись, слово природы, говорящей о себѣ самой; въ изображеніи жизни человѣческой со всѣми ея проявленіями она есть Философія; а въ мірѣ нравственно-духовномъ — Богословіе.

Міръ физическій подчиненъ началу духовному, которымъ проникнутъ по всѣмъ своимъ направленіямъ. Поэзія — органъ вещества и духа, есть провозвѣстница Истины. Истина вѣчна и неизмѣнна. Способъ изображенія ея, независимо отъ красокъ, представляющихъ ее въ большемъ или меньшемъ блескѣ, имѣетъ свою постоянную форму. Мысль, порываясь въ міръ духовный внѣ предѣловъ

этой формы, не достигаетъ туда, и истину небесную представляетъ въ образѣ земномъ, ей несоотвѣтственномъ. Такъ часто случается читать стихотворныя размышленія, въ которыхъ самая жизнь человѣческая — даръ безпредѣльной любви и мудрости Божественной, названа какою-то ничтожною шуткою; видимъ и молитвы, наполненныя желаніями и помыслами, міромъ духовнымъ отвергаемыми.

Поэтъ есть представитель не своего только вѣка, но всѣхъ временъ минувшихъ, настоящихъ и будущихъ. Онъ голосъ истины, голосъ человѣчества въ его идеѣ.

Отдѣлясь отъ міра духовнаго, поэтъ представитель современности видитъ въ ней одну худую сторону. Описывая пороки, и не соприкасаясь началамъ нравственнымъ, онъ даетъ злому направленію воли человѣческой видъ какъ бы чего-то необходимаго по духу времени, какъ бы должнаго; и самъ онъ не поднимается изъ мрака современности въ высшую сферу, чтобы насладиться величественнымъ зрѣлищемъ міра духовнаго. Человѣкъ

остается человѣкомъ; но безнравственное состояніе его наполняетъ душу наблюдателя чувствованіями самыми горестными. И время жизни, не освященной чистотою Христіанской нравственности, оставитъ по себѣ какую-то устрашающую пустоту въ бытіи человѣчества.

При взглядѣ съ этой точки, произведенія Старожила, во мнѣніи людей благомыслящихъ, будутъ имѣть неотъемлемое достоинство.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ЯНЪ УСМОВИЧЪ,

РУСКІЙ БОГАТЫРЬ

ВРЕМЕНЪ СВЯТАГО ВЛАДИМІРА.

КЪ МОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Я не разъ слыхалъ упреки:
Ты влюбленъ, мнѣ говорятъ.
Въ старый бытъ, въ старинны вѣки,
И поешь на старый ладъ.

Вышли старые изъ моды
И напѣвы, и языкъ.
Нынѣ жизни рѣзвой годы,
И въ чести разгульный крикъ.

Пой ты дѣву молодую,
Къ персямъ голову склоня;
Пой пирушку удалую,
И лихаго бѣгъ коня.

Пой въ восторгѣ упоенья
Молодецкія мечты,
Небывалыя видѣнья,
Пыль и грязь, и пой цвѣты.

Выпускай отважнымъ роемъ
Словъ нарядныхъ шумный сбродъ,
И стихи блестящимъ строемъ
Славно двинутся въ походъ.

Въ нихъ нѣтъ мысли, нѣтъ и чувства?....
Что за дѣло? вкусъ такой!
Выйдешь въ люди безъ искусства;
Лишь не пахни стариной.

Да скажите хоть намекомъ,
Что худаго въ старинѣ?
Не уже ли съ нашимъ вѣкомъ
Мы въ другой живемъ странѣ?

Или дѣдамъ мы не внуки,
И отцамъ не сыновья?
Для чего же лиръ ихъ звуки
Свистомъ намъ глушишь, друзья?

Богатырскія ихъ лѣпта —
И языкъ богатырей...
Мысль лилась изъ устъ поэта;
Чувство двигало душей.

Распочи весь блескъ искусства
На одежду вздорныхъ думъ;
Спихъ безъ жизни, и безъ чувства
Все равно, что вѣтра шумъ.

Такъ судили — говорили
Наши предки — старики.
Насъ добру они учили,
Какъ отъ нихъ мы далеки!

Отъ земли въ страны надзвѣздны
Мощный Геній ихъ носилъ.
Мы спускаемся лишь въ бездны.
Вверхъ лешѣшь у насъ нѣтъ крылъ.

Ровно шѣни Оссіана,
Въ сферѣ чувственной земной
Шьемъ одежды изъ шумана,
Разлюбя отцевъ покрой.

Какъ хотите, такъ судите:
Мнѣ не снилось и во снѣ
Быть судьей.... И не взыщите,
Я судилъ по старинѣ.

Старину любя родную,
Въ честь вождя родной страны,
Спѣлъ и пѣсню боевую
Я напѣвомъ старины.

Кто знаетъ Русь, тому нѣтъ дива.
Что Русь блаженная страна.
Она радушна, не спѣсива,
И слову данному вѣрна.
Ѣдятъ хлѣбъ-соль, пьютъ свѣтлы воды
Отвсюду пришлые народы
Въ ея привѣтливыхъ краяхъ.
А доблести ея и силы
Свидѣтели враговъ могилы
Въ ея дубравахъ и поляхъ.

Любовь къ Царю, и честь, и вѣра
Всегдашній счастья въ ней залогъ.
И нѣтъ, и не было примѣра;
Когдабъ забылъ Россію Богъ!
Грозитъ ли ей враговъ стремленье,
Иль бурныхъ мятежей волненье,
Изъ нѣдръ ея встаетъ ополчъ.
Бѣды-ли тучами сберутся,
Минуютъ, тучи разойдутся;
Народный духъ — грозѣ отводъ.

Въ борбѣ съ Монголами, съ Литвою
Страданій чудный переломъ.
Упавши слабою женою,
Она встаетъ богатыремъ;
Стоитъ грозна въ одеждѣ бранной,
И надъ главой ея вѣнчанной,
Орелъ гуляетъ въ облакахъ,
Расширивъ надъ полсвѣтомъ крыла.
Крѣпка ея, какъ бури сила,
И страшенъ громъ въ ея рукахъ.

Неволи цѣпи Карлъ закинулъ
Пепръ ими Карла оковалъ.
Наполеонъ попопомъ хлынулъ,
И Александръ ушесомъ сталъ,
Прилива сокрушились волны.
Стыда и страха Галлы полны
Бѣгутъ.... Ихъ гонятъ, и тѣснятъ
Нужда, морозъ, огонь и сѣча;
Голодна смерть вездѣ имъ встрѣча,
А проводникъ — каленый градъ.

Погибли всѣ враждебны гости,
И казни громъ надъ ними смолкъ.
Мятель завѣяла ихъ кости.
Какой нечестію урокъ!
Друзья и думъ, и полковъ ложныхъ,
Взгляните на судьбу безбожныхъ!
Не видите ль, не ясно ль тутъ,
Какъ Вышній усмирялъ гордыню,
И за поруганну святыню
Свой праведный исполнилъ судъ?

Такъ Онъ отъ самой колыбели
Россію миловалъ, хранилъ;
И если сильные слабѣли;
То въ крѣпости великой силъ,
Какъ чудо, изъ среды народа
Являлся новый воевода —
Защитникъ ей, злодѣямъ страхъ:
Гніютъ ея глубоки раны,
И Ляхи ихъ клюютъ, какъ враны,
Раздоръ горитъ въ ея вождяхъ;

Летитъ минута разрушенья;
И смерть народная въ глазахъ.
Но сынъ пустыннаго смиренья
Спалъ Палицынъ въ ея строяхъ,
И голосомъ любви святыя
Дружины сблизивъ боевыя,
На Ляховъ двинулъ ихъ грозой;
И Мининымъ огонь зажженный
Упалъ на ихъ полки враждебны;
Пожарскій шопчетъ ихъ пятой.

Была невзгода — берегъ Дона
Подъ тяжестью Орды стоналъ.
Сошелъ Димитрій въ поле съ трона,
И грудью за отчизну спалъ.
Двѣ рати страшны, и могучи
Сперлись, какъ громовыя тучи.
Гнететъ Россіянъ рабскій страхъ:
Гигантъ Татарскій ринулъ въ сѣчу;
Но Пересвѣтъ ему на-встрѣчу —
И бодрость ожила въ сердцахъ.

Томила горемъ и бѣдами
Рать Печенѣжска Кіевлянъ,
И вызванъ на нее судьбами
Изъ Кіева Усмовичь Янъ,
Герой безъ длинной родословной,
Одною доблестью чиновной.
Вѣкамъ грядущимъ на-показъ
Онъ вышелъ въ поле боевое
Потѣшить сердце ретивое.
И предковъ вотъ о немъ разсказъ!

ЯНЪ УСМОВИЧЬ.

I.

Сокрылось солнце за горою,
У Трубежа на Рускій станъ
Спускаясь дымкою сѣдою,
Вечерній стелется туманъ.
И тронулися въ разсыпную
На стражу въ небесахъ ночную,
Изъ недоступныхъ смерщимъ мѣстъ,
Роскошно убранны лучами,
Съ своими свѣтлыми вождями
Полки недремлющіе звѣздъ.

Прелестна ночь Украйны милой
Тоскливо слѣдомъ дня идетъ,
Какъ призракъ красоты унылой,
Увянувшей во цвѣтѣ лѣтъ
Отъ горя въ сиротствѣ плачевномъ
Съ тоски по другѣ задушевномъ.
Сонъ властвуетъ. На василькѣ
Забылся мотылекъ пугливый;
Заснулъ и вѣперокъ игривый,
Качаяся на тростникѣ.

Не крѣпокъ сонъ на ложѣ прѣскомъ!
Вспорхнулъ крылатый, и лепишъ
Гонишь шуманъ въ болотѣ вязкомъ.
Спокойно рашь Россійска спишъ.
Все тихо, шепчутъ только волны,
Любуяся на мѣсяцъ полный;
И лишь вздрогнетъ порою даль,
Всполошась крикомъ часоваго;
И пушь наѣздника ночнаго,
Укажетъ брякнувшая сталь.

Но вѣщій конь въ лугахъ гуляя,
Невзгоду чуетъ за рѣкой;
Храпитъ, и гривою взвѣвая,
Пустился отъ рѣки стрѣлой.
И ушка дикая съ ночлега
Взвилась, завидя Печенѣга.
Онъ хищный берегомъ ползетъ,
И припаясь змѣей въ шуманѣ,
Блуждаетъ взглядомъ въ Рускомъ станѣ,
Приправилъ лукъ, и жершвы ждетъ.

Въ одеждѣ легкой безъ доспѣха
Владиміръ у шапра сидитъ,
Онъ радость Руси, и ушѣха
Въ раздумьѣ царственномъ груститъ.
Сосѣди грянули войною;
И легъ кровавою стезёю.

На пеплѣ селъ и городовъ
Ихъ слѣдъ изъ степи отдаленной.
Печаленъ Князь уединенной.
За Трубежемъ полки враговъ.

Покрывшы ими лугъ, и поле.
Пылаютъ ярко ихъ огни;
И Рускую праву по волѣ
Ѣдятъ, и топчутъ ихъ кони.
Въ довольствѣ буйномъ Печенѣги,
И рѣчь у нихъ лишь про набѣги,
Про удаль злую въ грабежахъ.
Въ оправѣ черепъ Святослава —
Ихъ дикой гордости забава —
Ихъ чаша радости въ пирахъ.

Герой въ предѣлахъ ихъ мятежныхъ
Съ дружиной малой зимовалъ;
Томился на сугробахъ снѣжныхъ,
И отъ своихъ подмоги ждалъ.
Подмоги нѣтъ! враги напали.
На кучи тѣлъ ихъ Россы пали.
И Святославъ, напѣшна мечь
Въ разгулѣ сѣчи, съ жаждой мести,
Въ крови враговъ на лоно чести
Сложилъ главу съ могучихъ плечь (*).

(*) Съ головы убитаго Святослава снятъ черепъ. Печенѣжскій Князь Куря сдѣлалъ изъ него чашу, и пилъ изъ нее на пиршествахъ.

И съ той поры, и съ той минуты
Опъ нихъ покоя Рускимъ нѣтъ.
Ихъ Князь, какъ звѣрь пустынный, люпый,
Въ набѣгахъ кровь Россійску льетъ,
Разбойничьей гордится славой;
Теперь онъ выдумкой лукавой
Успѣлъ Владиміра прельстить.
Условились назначить къ бою
По Вишязю, и ихъ борьбою
Двухъ воинствъ битву замѣнить.

И взятъ отъ Рускаго народа.
Еще неслыханный обѣтъ:
Врагамъ поддаться на три года,
Когда Россіянинъ падетъ.
А если побѣдитъ.... свобода
Землѣ Россійской на три года
Отъ грабежа. И что же?.. Онъ
Владиміръ Князь — герой Державный
Одобрилъ договоръ неравный.
А слово Рускому законъ!

Три раза звонкою трубою
Владиміръ войско собиралъ;
Три раза, жезлъ вертя рукою,
Борца глашатай вызывалъ,
Нѣтъ смѣлаго! Враги бодрятся,
Своимъ воинствомъ гордятся;

И онъ огромный за рѣкой
То Рускимъ укоризну скажетъ,
То палицу свою покажетъ,
То тяжкой погрозитъ рукой.

И Князю въ грудь кручина злая
Запала, и легла, какъ гнетъ.
Съ нимъ нѣтъ Малфреда, нѣтъ, Рахтая,
Ошваги — Александра (*) нѣтъ.
Для бранныхъ подвиговъ въ чужбинѣ
Они сопутствуютъ Добрынѣ (**).
И чадомъ лакомымъ побѣдъ
Мечта ихъ пылкій духъ туманитъ;
И слава ласковая манитъ
Все вдаль путемъ кровавымъ бѣдъ.

И дума грустная Владыки
Коснулась ихъ въ чужихъ краяхъ.
Казалось, слышитъ онъ ихъ крики,
И видитъ славу ихъ въ бояхъ.

(*) Богатыри дружины Княжеской: Малфредъ по прозванію сильный, Рахтай удалой. Онъ столько былъ смѣлъ и мужественъ, что одинъ выѣзжалъ на триста воиновъ. Александръ Поповичь за доблестные подвиги имѣлъ золотую гривну. Потому звали его и Александромъ съ Гривною, и Алешею Поповичемъ по шутливому его нраву.

(**) Добрыня Никитичь, славный Новгородскій военачальникъ, дядя Владиміру по матери.

Покорно все ихъ страшной силѣ,
Усѣлось рабство на могилѣ,
Гдѣ съ самобышностью страны
И радость, и душа народа —
Его вѣковая свобода,
И честь мечемъ погребены.

И сердце доброе вздрогнуло...
Какъ предвѣщаніе, какъ сонъ,
Герою что-то намекнуло,
Сколь шатко счастіе; — и онъ
Желалъ бы тотъ часъ изъ чужбины
Призвавъ къ себѣ свои дружины,
Бѣды военны прекратить.
И здѣсь иначе шло бы дѣло:
Не стали бы враги такъ смѣло
Борца отважнаго просить.

Не пала-ль вѣсть туда могучимъ
О бѣдствіи въ странѣ родной:
Не ихъ ли за ручьемъ гремучимъ
Отгрянулъ говоръ удалой?
Нѣтъ! тамъ играетъ вихорь ночи.
Не разъ встрѣчаютъ Князя очи
Безсонну ночь, безъ жизни день.
Ему и слова жалѣ, и стыдно,
Терпѣть могучему обидно! —
Но чья-то промелькнула тѣнь —

По мѣсяцу какъ призракъ черный;
И слышитъ шорохъ за шапромъ.
Кто ты? окликнулъ стюрожъ вѣрный.
Я воинъ, — Князю бью челомъ!
Не время.... Спой!
„Пора святая!
Отвѣтилъ воинъ, приступая:
„Я видѣлъ, Онъ Отецъ не спитъ;
„И грустно пашему родному!“
Пусти! Князь молвилъ часовому;
И воинъ Князю говоритъ:

Ты слово далъ; и сдержишь слово.
Четыре сына здѣсь со мной;
Лишь кровь въ бою для нихъ не ново.
Не спанетъ силы лишь одной
Съ невѣрнымъ въ одиночку биться;
А смѣло можетъ съ нимъ схватиться
Мой сынъ меньшой, мой Янъ.
Гдѣ онъ?
Теперь мой Янъ приставленъ къ дому.
И Печенѣгу удалому
Не устоять! Какъ вихрь силёнъ.

Сюда его! сказалъ Державный
Съ улыбкой свѣтлой на устахъ:
Дарю ему я подвигъ славный!
И воинъ въ радостныхъ слезахъ

Спѣшитъ съ зарею вонъ изъ стана.
И зажила сердечна рана
У Князя. Сладко онъ заснулъ;
И бодръ поутру въ станѣ ходитъ,
И рѣчь веселую заводитъ.
Далеко слышенъ стана гулъ.

II.

Пировъ и радости столица
Великій, славный Кіевъ градъ
Унылъ, какъ сирая вдовица,
И жителей печальный взглядъ
Душевную тревогу кажетъ.
Бѣда, какъ скорбь на сердце ляжетъ!
Ничѣмъ не подцвѣтишь лица.
Оттѣнкомъ рѣзкимъ грусть проглянетъ,
Слеза изъ-подъ улыбки канетъ.
И нѣтъ на свѣтѣ мудреца, —

Кто бъ матерѣ своей природѣ
Сыновній долгъ не заплатилъ;
Кто бъ, дивомъ прослывя въ народѣ,
При горести не погрустилъ.
Такъ намъ указано судьбою,
Гдѣ встрѣтимся въ упоръ съ бѣдою,
Невольно отшагнемъ назадъ,
Чтобъ шла лихая, насъ минуя.
И дивно ли, что ждетъ тоскуя,
Своихъ злодѣевъ, Кіевъ градъ?

Извѣстны удаль и проворство,
И люпость хищниковъ степныхъ.
Грабежъ, поджоги — ихъ геройство,
Насиліе — ушѣха ихъ.
Защитники далеко въ полѣ.
И вѣсти страшныя отполѣ
Къ печальнымъ жителямъ летятъ:
То слышно, что Россійска сила
Врагамъ безъ боя уступила;
Бѣжитъ. Они ее слѣдятъ.

То скажутъ: наши всѣ побиты
Въ упорной схваткѣ щитъ на щитъ.
Поля шѣлами ихъ покрыты;
И Трубежъ кровію кипитъ.
Несется пыль сѣдою тучей
Надъ ратію враговъ летучей;
И къ Кіеву все ближе рать.
Ихъ лодки на Днѣпрѣ гуляютъ,
И всадники въ кустахъ мелькаютъ.
Смерть идетъ въ Кіевъ пировать.

Кто вѣритъ, кто свое прискажетъ.
А общее всѣмъ чувство — страхъ.
Онъ всѣмъ и умъ, и руки вяжетъ,
Всѣ внѣ себя; и въ хлопотяхъ
Иной пожитки въ землю прячетъ,
Другой, залегши въ домѣ, плачетъ.

Кто спрянется за Днѣпръ бѣжитъ.
Кто, лакомства врагамъ не проча,
И скупость, и скупцовъ пороча,
Безъ памяти друзей чествитъ.

Но голосомъ надежды милой
Отрадный звонъ колоколовъ
Гудетъ, и кроетъ шумъ унылой;
То на молитву въ храмы зовъ.
И храмы вѣрныхъ не вмѣщаютъ,
И съ пѣньемъ къ Небу возлетаютъ
Мольбы, и вздохи ихъ, и стонъ.
И мы безъ лѣности молились;
И мы съ усердіемъ постились,
Какъ шелъ въ Москву Наполеонъ.

Прошла гроза, и все забыли,
Какъ будто не было и бѣдъ.
Но рѣчь у насъ о старой были.
До новой намъ и дѣла нѣтъ!
Герой нашъ Янъ, — объ немъ и слово;
И все для встрѣчи съ нимъ готово.
Да гдѣ жь надежда Русскихъ — Янъ?
Не тамъ ли за Днѣпромъ глубокимъ?
Иль стражемъ града одинокимъ
Стоитъ, и бережетъ гражданъ?

Различныя мелькаютъ лица.
Но все не онъ, не нашъ герой.
А вотъ просторная свѣтлица;
И въ ней кожевникъ молодой

Спопшъ, рабопая у чана.
Теперь увидѣли мы Яна.
Ремесленникъ, онъ кожу мнетъ.
И женщина не молодая
Сидитъ. То матъ его родная;
И скромно съ сыномъ рѣчь ведетъ.

Мать.

Ты слышалъ ли, что тамъ, гдѣ наши
Бѣда приходитъ за бѣдой?
Злодѣи наварили каши;
И насъ покормятъ на-убой.

Янъ.

Съѣдятъ ее, родная! сами.
Да, да! подъ Русскими мечами.
Невѣрнымъ имъ въ странѣ святой
Гробами будутъ наши волки!
Но жаль, что городскіе полки
На всѣхъ нагнали страхъ пустой!

Мать.

Да наши, слышно, замѣшались;
Убитыхъ множество легло.
А тѣ, кто живъ, всѣ разбѣжались.
Враговъ несмѣтное число
Идетъ сюда. Година злая!

Янъ.

Не бойся, не грусти, родная!
Себя въ обиду не дадимъ.
Тамъ наши сильныя дружины,
Великій Князь, всѣ властелины,
И батюшка, и братья съ нимъ.

Владѣть мечемъ они умѣютъ.
За Кіевъ постоятъ горой.
Повѣрь! злодѣи не посмѣютъ
Пуститься на открытый бой.
Съ разбойничьей своею хваткой
Они горазды лишь украдкой
Напасть на слабыхъ, на сонныхъ.
Предъ ратными всегда дрожали,
При первомъ натискѣ бѣжали:
Лишь степь, и ночь спасала ихъ.

Мать.

Нѣтъ, Янъ! теперь не то, что прежде,
Есть великанъ у нихъ, презлой,
Силачь. И на него въ надеждѣ
На нашихъ двинулись стѣной.
И было нашимъ очень худо:
На великана, какъ на чудо,
Кто только взглянетъ, прочь, да прочь!
А онъ злодѣй, еще смѣется,
Зоветъ съ собою побороться;
И взглядомъ онъ, какъ темна ночь.

Янъ.

Пусть будетъ онъ темнѣе ночи,
Змія - горыннча сильнѣй;
Все спанутъ съ нимъ съ очей на они,
У насъ ли нѣтъ богатырей?

Мать.

Да видно нѣтъ, когда шакъ смѣло.....

И сердце Яна закипѣло.
Забывшись, волю далъ рукамъ.
Вотъ шакъ бы эшу шварь спѣпную!
И кожу буйвола сырую
Рванулъ.... И кожа пополамъ!

Мать.

Ахъ, Янъ!..
Ужель жалѣешь вздору?
Сказалъ шутъ кшо - шо у окна:
Что сдѣлалъ онъ.... Самсону (*) впору.
Пусть тѣшится; молчи, жена!
И видишь, къ нимъ вошелъ воишель.
Ахъ, милый другъ! ахъ, мой родишель!
Здоровъ ли шы, за чѣмъ одинъ?
Гдѣ брашья, дѣши гдѣ, и всѣ ли
Опъ ранъ, и смерши уцѣлѣли?
Кричашъ ему и машь и сынъ.

(*) Извѣстный богашырь Израильскій.

И воинъ обнялъ ихъ, и сыну,
Въ словахъ коротких изъяснилъ
Прихода своего причину,
И волю Князя объявилъ.
И очи юноши сверкаютъ,
И щеки полныя пылаютъ;
Вздымается высока грудь.
То на отца, на мать онъ взглянетъ,
То къ чану онъ поближе станетъ.
Здѣсь къ стати молвитъ что нибудь —

О ростѣ и дородствѣ Яна,
Каковъ и нравомъ удалой.
Не вѣкъ стоять ему у чана
Любимцу славы боевой.
Наружности нашъ Янъ красивой,
По праву — человѣкъ правдивой.
Не очень малъ, широкоплечъ,
Румянъ и бѣлъ; взглядъ соколиной,
Смѣлъ, ловокъ, съ поступью орлиной;
И плавная у Яна рѣчь.

Съ прекрасной юноша душою,
Въ забавахъ скроменъ, несмѣсивъ,
Любимъ чужими и роднею;
Въ дѣлахъ смышленъ и терпѣливъ.
Не бился въ шутку на кулачки;
А буйнымъ не давалъ потачки.

На-диво грамотѣмъ слылъ;
Съ усердіемъ молился Богу;
И въ праздникъ нищимъ понемногу;
Отъ праведныхъ трудовъ дарилъ.

Ты долженъ, Янъ! держаться слова,
Сказалъ отецъ, снимая шлемъ:
Грянь объ земь Печенѣга злова,
И мы прекрасно заживемъ!
Спасешь отъ бѣдствія отчизну;
По Святославѣ славну тризну
Предъ цѣлымъ войскомъ совершишь.
И Князь, утѣшенный тобою,
Украситъ гривной золотою;
И къ матерѣ ты прилетишь —

Въ одеждѣ свѣтлой и богатой,
Со знакомъ Княжескихъ друзей;
И твой доспѣхъ щеголеватой
Блеснетъ въ кругу богатырей.

Мать.

Какъ? ты для страшнаго болвана
Затѣялъ взять съ собой и Яна?
Въ умѣ-ли? съ кѣмъ же буду я?
Изволь-ка самъ съ уродомъ драться;
Янъ долженъ здѣсь со мной остаться;
И то съ тобой тамъ вся семья!

Воинъ.

Жена! всему свое есть время,
Припомни, какъ я молодъ былъ,
Шушпинь не смѣло вражье племя:
Я на десяшь одинъ ходилъ.
Теперь и лѣпъ уже довольно,
Опъ ранъ и шушъ, и здѣсь мнѣ больно,
А онъ еще....

Мать.

Объ шомъ и рѣчь,
Что Янушка еще ребенокъ;
Ужели прямо изъ пеленокъ
Хвапашься надобно за мечь?

Воинъ.

А какъ при Свяшославѣ жили?....
Стоялъ весь городъ подъ копьемъ.
Съ копья опцы дѣшей кормили;
Не куклой шѣшили — мечемъ.
Мечемъ и жали, и косили.
И милосши у насъ просили
Булгаринъ, Половецъ и Грекъ.
Гдѣ двинушъ наши ратны шучи,
Вездѣ сребра и злаша кучи.
И золотой шогда былъ вѣкъ!

Мать.

Онъ вѣчно шутитъ, да и только!

Воинъ.

Нѣтъ, Янъ! не шутка; вѣрь отцу;
Какъ дѣвицѣ къ рукамъ иголка,
Такъ мечь булатный молодцу.
Теперь же время бѣдовое.
Враги насъ взяли за-живое.
Тебѣ назначено судьбой
За всѣхъ подставить грудь младую,
И защитить страну родную
Своей могучею рукой.

Мать.

А есть ли Печенѣгъ?....

Воинъ.

Такъ что же?
Въ бою не страшно умирать!
Отечество, иль жизнь дороже?
Сама ты можешь разгадать.

Мать.

Идешь ли Янъ?

Янъ.

Иду, родная!
Будь воля Божія святая!
Коль Князь и батюшка веляшъ,
Гошовъ въ огонь!.... И шошъ часъ дѣло,
Какъ свадьба, въ домѣ закипѣло.
Для Яна жаряшъ, и варяшъ.

Такъ изъ-сшари у насъ ведешся,
Что машушки сынковъ родныхъ,
Какъ имъ по жребію причшешся
На сшавкѣ быть въ очередныхъ,
Зовушъ оплешными госшями,
И кормяшъ всякими сласшями.
Разгулъ и нѣга молодцамъ....
Пока въ ненасшье, или въ холодъ
Свезушъ ихъ со слезами въ городъ;
И учасшь ихъ рѣшишся шамъ!

Чшожъ далѣе сказашь объ Янѣ?
А вошъ что сдѣлалъ умный Янъ:
Онъ прибралъ все, что было въ чанѣ,
И праздничный надѣлъ кафшанъ.
И упромъ рано на походѣ
Торжесшвенно при всемъ народѣ
Молебенъ въ церкви опслужилъ,
Съ родною машушкой просшился,
И къ Трубежу съ опцемъ пусшился.
Народъ ихъ чесшно проводилъ.

III.

Гонзальва родина и Лары
Страна, гдѣ былъ презрѣнъ развратъ,
Гдѣ волхвованія и чары,
И ересь на кострахъ горятъ;
Гдѣ звуки томной серенады
Въ часы вечернія прохлады
Красавицъ волновали кровь.
И взоры ихъ — зерцала чести!
И въ нихъ плѣнительна, безъ лести
Сіяла чистая любовь.

Любовью рыцари пылали,
И жизни не щадя своей,
Изъ бѣдъ и плѣна выручали
До гроба вѣрныхъ Дульциней.
Девизъ ихъ былъ: и честь и вѣрность.
Мила твоя сѣдая древность,
Гишпанія! А нынѣ ты?....
Гишпанцы нынѣ злобой дышутъ,
И кровію собратій пишутъ
Въ уставахъ счастія мечты.

Счастливы ли, что имъ извѣстно.
Намъ слышны только стонъ и плачъ.
Съ убійствомъ рыщетъ повсемѣстно
Раздоръ — жестокій ихъ палачъ. (*)
А прежде въ дни златые мира
За блескомъ пышнаго турнира
Шла въ блескѣ шумной чередой
Народа кровная забава,
Ашлешовъ горделивыхъ слава —
Отважный ихъ съ быками бой.

И этотъ странный бой на диво
Меня въ Гишпанію завелъ.
Прощай она: нашъ Янъ счастливо
До стана рапнаго дошелъ.
А въ станѣ что? подъ рядъ разскажемъ,
И Русскій бой съ быкомъ покажемъ.
Столбъ толстый крѣпко въ землю врытъ.
Къ столбу въ кольцо привязанъ цѣпью,
Взлѣлѣянный Днѣпровской степью,
Огромный, дикій быкъ стоитъ.

Реветъ, и мощными рогами
Бьетъ съ мѣста ненавистный столбъ,
Рветъ землю подъ собой ногами,
Къ столбу прилаживаетъ лобъ,

(*) Это писано въ 1838 году; и таково было современное состояніе Гишпаніи.

И напираешъ всею силой.
Споишъ недвижимъ сполбъ постылой.
И яросшь вспыхнула въ быкѣ;
Огонь въ глазахъ кровавыхъ рѣешъ,
И паръ съ него горячій вѣешъ.
А передъ нимъ не вдалекѣ —

Съ надеждой въ сердцѣ благодашной
Расхаживаешъ бодрый Янъ.
По приговору Думы рашной
Ему опасный подвигъ данъ,
На опышъ силы и умѣнья,
Что бъ послѣ ввѣришь безъ сомнѣнья
Съ врагомъ могучимъ славный бой.
Объ Янѣ идушъ въ войскѣ споры,
И на него устявя взоры,
Всѣ ждушъ минушы роковой.

Въ полкруга велѣно спашь рашнымъ.
Владиміръ средь вождей сидишъ.
На бишву зовомъ перекашнымъ
Труба опрывисшо гремишъ.
Свирѣпымъ воемъ быкъ ошвѣшилъ,
Вблизи пропивника озѣшилъ,
Въ него нацѣлилъ головой.
Горяча спаль коснулась шѣла,
И мигомъ цѣпь съ быка слешѣла.
Взбѣшенный кинулся на бой.

Янъ ждетъ ужаснаго безъ страха,
Безпеченъ крѣпостію силъ.
Шагъ въ сторону.... И быкъ далъ маха,
Вернулся. Витязь наступилъ,
Схватилъ за рогъ рукою смѣлой;
Другой, какъ палицей тяжелой,
Ударилъ. Быкъ оцѣпенѣлъ.
Еще ударъ... и шѣмъ же часомъ
Янъ вырвалъ кожу, ребра съ мясомъ;
И быкъ въ послѣдній разъ взрѣвѣлъ.

И войско крикнуло побѣду,
Не молкнутъ плескъ, и громъ похвалъ.
Янъ позванъ къ Князю на бесѣду.
И Князь отцу его сказалъ:
Ты правъ, вѣрно-любезный воинъ!
Твой сынъ стоитъ за насъ достоинъ.
И еслибъ Печенѣгъ шакъ палъ!
Надѣюсь одолѣешь злодѣя,
Съ поклономъ молвилъ Янъ, краснѣя.
Державный Яна обласкалъ.

IV.

Дохнуло утро молодое
На Трубежъ свѣжимъ вѣшеркомъ.
Рѣчное лоно голубое
Рябитъ бѣгучимъ серебромъ.
Проснулись шумно оба стана.
Вспаетъ отецъ, и будитъ Яна.
Вспрянулъ онъ, какъ съ гнѣзда орелъ,
Умылся, Богу помолился,
Отцу и братьямъ поклонился,
И въ рапный станъ гуляпь пошелъ.

И видитъ жизнь совсѣмъ другую,
Какой дополѣ не видалъ,
Проворство, поступь удалую.
И юношу очаровалъ
Бытъ рапный дивной новизною:
Кто, сидя съ пѣсней заливною,
Оштачиваетъ свой булатъ;
Кто холитъ лошадь строевую,
Кто чиститъ сбрую боевую,
Кто пыль сшираетъ съ шляжкихъ латъ.

Родня всѣ будто межь собою:
Завѣтнаго въ поминѣ нѣтъ. —
Къ товарищу съ своей нуждою
Всякъ, ровно въ домъ къ себѣ, идетъ.
Вездѣ привѣтливость любезна.
А станутъ въ строй....стѣна желѣзна:
Враги не смѣютъ подступить.
Янъ вспомнилъ городъ и заботы,
Торговли алчные расчёты,
И воиномъ клянется быть.

Счастливая ему дорога!
Но къ Князю вѣстникъ прилетѣлъ.
И въ станѣ грянула тревога.
И станъ мятелью закипѣлъ.
И вскорѣ все покойно стало.
Шатровъ какъ будто не бывало.
Все прибрано, и все у мѣстъ.
Сомкнулись воины стѣною.
Въ нихъ Князь съ дружиной удалою,
Какъ мѣсяцъ ясный между звѣздъ.

А тамъ какъ туча громовая,
Идутъ враги изъ-за рѣки.
Снялася рать сторожевая,
И двинулись впередъ полки.
И Печенѣги стали строемъ.
Ихъ вождь грозитъ кровавымъ боемъ,

И къ Князю Вишязя прислалъ.
Обидныя сказалъ онъ рѣчи:
Не ты ли, избѣгая сѣчи,
Единоборство назначалъ?

Чтожъ твой обѣтъ? Не будешъ болѣ
Нашъ вождь напрасно словъ терять.
И здѣсь на этомъ самомъ полѣ
Съ тобой твоя поляжетъ рать!
По волѣ Князя отвѣчали
Послу Бояре: вы желали
Войну безъ битвы прекратить.
Россія битвами гордится.
Но лишь напрасно кровь бодится;
Умѣешъ и враговъ щадить.

Не лучше-ль вамъ скорѣй убраться
Въ степной просторъ къ своимъ спадамъ;
Съ разбойнымъ промысломъ разстаться,
И дань платить исправно намъ?
А впрочемъ подтверждаемъ снова
Всю святость Княжескаго слова.
Поди, и объяви своимъ:
Хотятъ назадъ? даемъ свободу,
Какъ подданному намъ народу.
Пойдутъ на зло? борца дадимъ.

Ушелъ. . И видятъ великана.
Онъ страшный вышелъ изъ рядовъ.
Сюда! сюда! скорѣе — Яна!
Кричитъ глашатай. Янъ готовъ.

Спрашиҍъ охранныя дружины
Идешъ искать межь войскъ средины.
Сто саженъ отщипалъ впередъ.
И Печенѣжскій воевода,
Посредникъ своего народа
Навстрѣчу съ мѣриломъ идетъ.

Средина здѣсь! сказали оба.
И кругъ начертанъ роковой.
Изъ сердца Печенѣга злоба
На Рускихъ вылилась хулой.
Гремитъ хвастливо онъ доспѣхомъ.
Россійскій витязь громкимъ смѣхомъ
Слова злодѣя заглушилъ;
И указавъ на мечь булатный,
Пошелъ спокойно въ путь обратный;
И щитъ хребетъ его прикрылъ.

Высокъ, и толстъ, угрюмъ, и черенъ
Широкой степи дикій сынъ,
Какъ волкъ свирѣпъ, какъ волкъ проворенъ,
Шагаетъ къ кругу исполинъ.
Играетъ палицей, какъ шашкой,
И подъ его стопою тяжкой,
Что шагъ, сыра земля вздрогнетъ.
Съ весельемъ мрачнымъ и суровымъ,
Охриплымъ голосомъ громовымъ
Онъ пѣснь страны своей поетъ:

ПѢСНЯ ПЕЧЕНѢГА.

Чему ты радъ, мой мечь тяжелый,
Что пляшешь у бедры моей:
Не пиръ ли чуешь ты веселый,
Гдѣ будешь смерть честишь госпей?

Пойдемъ! она идетъ навспрѣчу.
Возмемъ мы алчную съ собой
Пошѣшимся въ разгульну сѣчу.
Еще возмемъ нашъ вихрь степной.

Дадимъ ему огонь и спрѣлы,
И бурнаго пошлемъ впередъ.
Пусть Руски города и селы
Спалишъ, и пепелъ разнесешъ!

Тебя, мой мечь — мой лучь громовый!
Я кровью сильныхъ напою;
И палицей моей дубовой,
Какъ опьянѣешь, опспою.

Тому ли радъ ты, мечь тяжелый,
Тому ли радъ, товарищъ мой?
Пойдемъ скорѣй на пиръ веселый;
Возмемъ съ собою вихрь степной!

Какъ близко къ сердцу все родное!
Я за тебя дрожу, мой Янъ!
Душа Россіи дорогое!
Тебѣ грозитъ злой великанъ.
Онъ призвалъ вихрь, и смерть съ собою.
Твоей быть можетъ головою.....
Но, нѣтъ! Россія устоитъ.
Ея защитникъ — Янъ не робокъ,
По мышцы силенъ, и ловокъ,
И Русскій Богъ его хранитъ.

Хранитъ его, хранитъ Россію,
Хранитъ Властителя ея.
Небесной вѣрою въ Мессію
Святитъ Онъ Русскіе края,
И рушитъ идольскіе кровы.
Народъ его — Израиль новый,
Блаженный новою судьбой,
Увидитъ: чудо совершится, —
Въ предѣлахъ Русскихъ повторится
Давида съ Голіаѳомъ бой!

И пѣснь завѣтная пустыни
Замретъ въ устахъ богатыря.
На трупъ вошеля чужбины
Проглянетъ въ сумракѣ заря;
И ночь обдастъ росой холодной,
Передъ разсвѣтомъ волкъ голодной

Изъ лывъ далекихъ прибѣжишъ,
При солнцѣ сытый удалишся;
Сшаница вороновъ слешишся,
И пиръ разгульный зашумишъ.

V.

Всѣхъ странъ, и всѣхъ вѣковъ герои —
Такой оставленъ имъ примѣръ
Рушителями славной Трои,
Которыхъ воспѣвалъ Гомеръ;
Когда на битву выходили,
Противниковъ своихъ бранили,
И ссорой начинался бой.
Случилось то и съ великаномъ
При встрѣчѣ съ нашимъ добрымъ Яномъ,
И по причинѣ все одной.

Злой духъ вражды на мѣстѣ боя
Всегда является шайкомъ.
Предъ нимъ раздоръ съ мечтами споя,
Куряпъ геенскимъ огонькомъ.
И аромапъ его любимый —
Чадъ смрадный, душный, несперпимый,
Разлившись въ воздухѣ живомъ,
Вдыхаетъ людямъ смыслъ превращный,
И въ сердце чувства непоняпны,
И буйнымъ усыпляетъ сномъ.

Ихъ страшныя тревожатъ грезы.
Ничто для нихъ родство и кровь;
Ничтожны имъ страдальцевъ слезы;
Забыты дружба и любовь.
Въ глазахъ огонь убійства пышетъ,
И смерть устами смертныхъ дышетъ.
И жажда славы и чести,
Съѣдающее чувство мщенья,
Алчба корысти и хищенья
Томятъ безжалостныхъ людей.

Такъ нѣтъ минувшихъ великаны —
Бичи народовъ, и Царей,
Наполеоны, Тамерланы
Такъ въ жизни грезили своей;
И скрылись, ровно привидѣнья,
Лишь слышенъ изъ страны забвенья
Ихъ памяти погибшей шумъ.
Лишь только видѣнъ во вселенной,
Стопою бѣдствій углубленной,
Кровавый слѣдъ ихъ дѣлъ и думъ.

Такъ Россовъ дикіе сосѣди
Въ палящей жаждѣ на разбой
Рвались, какъ лютые медвѣди,
Начать скорѣй условный бой;
И представитель ихъ свирѣпой,
Съ надеждой на успѣхъ нелѣпой,

Высматривалъ въ строяхъ борца
У Яна страсть совсѣмъ другая —
Онъ ищетъ, къ бою приступая,
Отчизны бѣдствіямъ конца.

Ступилъ Волотъ (*) на середину.
Сто всадниковъ, построясь въ рядъ,
Охранной стражей исполину
Гоповые на бой стоятъ.
Надувши щеки надъ трубою,
Трубачь нескладною игрою
Спѣшитъ повѣстку Рускимъ дать,
И вмѣстѣ прогремѣло въ станѣ:
Еще не въ люлькѣ-ль, Кіевляне!
Воитель вашъ? Такъ долго ждать!

Ты слышишь, Янъ! какъ онъ смѣется?
Владиміръ Яну говоритъ;
И рѣчь Владыки чудно льется:
Безмолвно воинство стоитъ.
„Поди, Россіи сынъ могучей,
„И разразись громовой тучей
„На великана съ нимъ въ борьбѣ;
„Сними позоръ и укоризну,
„И защити свою отчизну.
„Она теперь въ одномъ тебѣ!

(*) Руское значеніе слова: Гигантъ.

„Ты идешь, какъ простой воитель;
„Жду витяземъ тебя назадъ.
„Волóта злаго побѣдитель
„На мѣстѣ томъ увидитъ градъ,
„И будетъ градъ его удѣломъ!“
И Янъ въ порывѣ духа смѣломъ
Сказалъ Державному въ отвѣтъ,
И бросилъ взглядъ на великана:
„Живаго не увидишь Яна,
„Коль онъ — злодѣй твой не падетъ!“

Сто витязей дружины Княжей
Отправлены за Яномъ вслѣдъ.
И онъ, любуясь свѣтлой стражей,
Какъ въ гости, радостенъ идетъ,
Принявъ отъ Князя повелѣнье,
И отъ отца благословенье.
Не длиненъ путь. На кругѣ Янъ.
За чѣмъ ты, бѣлый и румяный!
Пришелъ ко мнѣ сюда незваный?
Вскричалъ сердитый великанъ.

Янъ.

Ты звалъ борца, и я горжуся,
Что жребій счастья выпалъ мнѣ.

Печенѣгъ.

Я съ мальчиками не борюся.
А только плетью по спинѣ
Гоняю прочь.....

Янъ.

Уйду по волѣ,
И голову швою въ приполѣ
Снесу, какъ чудо, въ Русскій станъ.

Печенѣгъ.

Червякъ! И смѣешь шы грозишься!
Взгляни! Тебѣ-ль со мной возишься?
Ты вовсе безъ ума, иль пьянъ!

Янъ.

Я пьянъ къ ошечеству любовью;
И поспою за край родной!
А шы, упившись Руской кровью,
Погибнешь, ровно воръ шальной.

Печенѣгъ.

Пусшь спалъ бы шы шеперь горою,
Уйдешь весь въ землю съ головою,
Какъ въ шемя спукну пяшерней!

Янъ.

Молчи, гордецъ, и защищайся!
Брось палицу!

Печенѣгъ.

Коль шакъ.... прощайся
И съ бѣлымъ свѣшомъ и съ родней!

Онъ гряпулъ палицу съ досады;
И вздрогнувши сыра земля,
Дохнула пылью опъ надсады;
И пыль Волошу обдала
И черное лице, и брови.
Глаза наполненные крови,
Еще краснѣе и спрашнѣй
Сквозь длинныя его рѣсницы,
Какъ очи падшаго денницы,
Сверкнули шупъ изъ подъ-бровей.

Уста его еще шумѣли,
Подобно тучѣ градовой;
Слова на языкѣ мершвѣли,
И вырывался только вой —
Свирѣпости взбѣшенной голосъ.
Станóвится щетиной волосъ.
Клубится пѣна на губахъ.
Взмахнулись жилистыя руки,
Сгибаются въ локтяхъ, какъ луки.
И Янъ у спрашнаго въ рукахъ!

Схватилъ, верпитъ.... Не шупъ-то было!
Янъ, ровно вкопанный споитъ.
И Печенѣгу запершило.
Онъ силится, реветъ, хрипитъ.
Толкнетъ назадъ: къ нему Янъ ближе.
Потянетъ къ верху: Янъ спалъ ниже.

Вернешъ направо : влѣвѣ Янъ ;
Возмешъ лѣвѣй : Янъ ровно камень.
И въ Печенѣгѣ пышешъ пламень.
Напрасно рвешся великанъ.

И въ войскахъ тишина могильна :
Всѣ чувствва воиновъ въ глазахъ.
Вся крѣпость ихъ теперь безсильна ;
И обдалъ всѣхъ морозомъ страхъ.
Къ борцамъ прильнули робки взоры ;
Всѣ ждутъ конца; и мысли скоры
По ихъ движеніямъ скользятъ.
Одинъ какъ будто пошатнулся ;
Другой, едвалъ не задохнулся.
Всѣ смотрятъ , судятъ и молчатъ.

Волотъ обѣими руками
Къ землѣ противника давилъ.
Янъ выскользнулъ , впередъ плечами ,
И великана подхватилъ ;
Гнететъ, какъ обручемъ изъ стали ;
Въ невѣрномъ костви затрещали ;
Сперся въ груди горячій духъ ;
Кровь черна хлынула горшанью.
Янъ горло сжалъ могучей дланью ,
И мертваго на землю... бухъ !

Разсыпался у Рускихъ грохотъ :
Кто , въ землю топал кричитъ ;
Кто въ громкій закашился хохотъ ;
Иной безъ устали бьетъ въ щитъ ;

Топъ выхватилъ булатъ, и машетъ,
И на конѣ ученомъ пляшетъ;
Иной шрубу перекричать
Опъ радости для смѣха хочетъ;
Топъ, съ бубномъ прыгая, хлопочетъ
Подъ смѣхъ сосѣда подъиграть.

Но свистъ изъ вражескаго стана!
Съ камнями туча стрѣлъ шумитъ.
Дружина заслонила Яна.
Вся Руска рать туда летитъ.
Измѣнникамъ и страхъ и горе!
Ихъ приперли къ рѣкѣ, и вскорѣ
Тамъ всѣхъ поклали наповалъ.
Янъ поднялъ палицу, и лѣпомъ
Предсталъ къ Державному съ отчетомъ.
И Князь Героя обнималъ.

И слезы радости капились
Изъ свѣтлыхъ Царственныхъ очей;
Смиренно мысли возносились
Къ Всевышнему Царю Царей;
И послѣ общія молитвы
По волѣ Князя съ мѣста битвы
Проворный поскакалъ гонецъ
Обрадовать Столицу вѣстью;
А Яна поздравляли съ честью
Вожди, и братья, и отецъ.

У Яна гривна золотая
На персяхъ, ровно жаръ горитъ.
И Яну приближе́нныхъ стая
Услужливо въ глаза глядитъ.
Съ серебряной насѣчкой лапы,
И поясъ для меча богатый;
И мечь и шлемъ, копье и щитъ —
Все подано.... Доспѣхъ на Янѣ.
Всѣмъ любованіе онъ въ станѣ!
И бранный конь предъ нимъ стоитъ.

Боляринъ Янъ съ отцомъ и родомъ.
И городъ вскорѣ заложенъ.
За подвигъ Янъ передъ народомъ
Переяславомъ нарѣченъ.
Переяславлемъ мудро правилъ,
И доблестью себя прославилъ.
Отечество и новый градъ
Хранилъ отъ вражескихъ набѣговъ,
И былъ грозою Печенѣговъ.
И пѣсни въ честь ему гремятъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

1.

ПЕРЕСВѢТЪ.

Иль Пересвѣтъ съ гигантомъ къ бою
Какъ вихорь на конѣ летитъ?

Державинъ.

Не двѣ взмываютъ грозны тучи,
Двѣ рати сходятся спрашны.
Россіи вишязи могучи —
Защишники родной спраны
За жизнь, за чесшь и за свободу
Несушъ Ташарскому народу
Досшойный выкупъ — смершный бой.
То месши пиръ, давно желанный;
И въ ихъ сердцахъ съ ошвагой бранной
Горишъ, — пылаешъ гнѣвъ свяшой.

Предъ ними Донъ унылo плешешъ:
Онъ кажешся рѣкою слезъ
Россіи грусшныя.... Но блешешъ
Ей лучь спасенія съ небесъ.

Ташары всей своей ордою
Нахлынули изъ степи къ бою.
Свирѣпъ, и смѣлъ ихъ вождь Мамай
Бодрится на конѣ рѣшивомъ
Съ мечтою въ сердцѣ горделивомъ
Подняшь на мечь весь Рускій край.

Какъ облакъ душный, пыль густая
Висишъ надъ войсками, клубясь,
И стонешъ ташь-земля сырая,
Дождя кроваваго боясь.
И степь полна предвѣстій дивныхъ,
И призраковъ — пословъ зазывныхъ
Въ таинственный могильный домъ.
Зловѣщими стадами враны
Обсѣли окрестныя страны,
И волки рыскаютъ кругомъ.

И, сблизясь раши, стали обѣ.
Убійства жаждою горя,
Мамай пустилъ на Русскихъ въ злобѣ
Зачинщика богатыря.
То Челубей великъ, и крѣпокъ.
Ударъ его смертельно мешокъ,
Какъ громъ... Онъ яростью кипишъ;
Покрытый сталію гремящей,
На Русскихъ бросилъ взглядъ грозящій,
И дерзка рѣчь въ устахъ шумишъ:

Ужь вѣкъ прошелъ, — и въ половинѣ
Другой, какъ вы рабы Ташаръ
Служили рабски имъ. Кто-жь нынѣ
Безумно будишъ эшошъ жаръ
Вражды измѣнничьей кровавой?
Не славы-ль ищете? но славой
Рабовъ презрѣнныхъ не чествшъ!
Съ мечемъ несемъ оковы мѣдны
И бичь на васъ... о бѣдный
Народъ! Бѣги скорѣй назадъ;

Или пади главой повинной
У ногъ Царя владыкъ земныхъ!
Быть можетъ, внявъ мольбѣ умильной,
Смягчишъ свой гнѣвъ, и лишь младыхъ
Изъ васъ возмешъ къ себѣ на службу.
Тогда вашъ Князь, не казнь, а дружбу
Получишъ, и въ душѣ своей
Радъ будешъ милости Мамая,
Его верблюдовъ охраняя,
Ихъ спражъ на пастбищахъ степей.

Башый ужасенъ былъ во гнѣвѣ.
Мамай ужаснѣе сто крашъ,
И старца, и младенца въ чревѣ
Не пощадишъ его булашъ.
Слова мои — слова Мамая;
Я грамота его живая.

Покорность!... или смертный часъ
Пробьетъ для всякаго злодѣя
Въ мечѣ булатномъ Челубея,
Сказалъ, и копіемъ потрясъ.

Сглянулись Рускіе герои;
Кипятъ досадою сердца;
И гордо шевелятся строи;
И всѣ въ порывѣ на бойца.
Самъ Князь Димитрій съ булавою
Впередъ подвинулся для бою;
Но сильные, какъ львы, кругомъ
Вождя-героя обступили,
И въ милость для себя просили
Единоборство со врагомъ.

И медлятъ всѣ... Не страхъ ли бранный
Пробилъ твердыню ихъ сердецъ?
И гдѣ же ты отъ Бога данный
Пустынный богатырь — Чернецъ?
Не ты-ли Мужемъ Благодати (*)
Въ защиту посланъ Руской рати?

(*) Святый Сергій Радонежскій, благословляя на брань съ Татарами Великаго Князя Димитрія Іоанновича, отпустилъ съ нимъ подвизавшагося въ обители его Пересвѣта, и другаго инока-витязя Ослябя.

Часъ подвига и славы бьетъ!
Вдругъ рядъ отважныхъ разступился,
И грозенъ на конѣ явился
Въ убранствѣ дивномъ Пересвѣтъ.

То воинъ, кажется, небесный,
Изъ лика Ангеловъ Святыхъ.
Крестъ на челѣ его чудесный.
Онъ въ схимѣ: веселъ, какъ женихъ
Въ минуты брака безпечальны,
Когда горятъ свѣчи вѣнчальны,
Играетъ въ храмѣ лучь вѣнца
На немъ, и на младой подругѣ, —
Его возлюбленной супругѣ
Благословеніемъ Творца.

Оставя келлію убогу,
Онъ витязь вѣрный до конца
Отечеству, Царю и Богу,
Пришелъ для свѣтлаго вѣнца
Въ кровавое раздолье брани.
Блистаетъ копіе во длани.
На небо очи устремилъ;
Потомъ склоненною главою
Простился съ братіей земною.
„Иду во имя Бога Силъ!“

Сказалъ... И мститель укоризны
На Челубея онъ летитъ.
Отгрянулъ гласъ ему отчизны:
„Богъ Силъ тебя благословитъ;

„И укрѣпишъ на подвигъ трудной
„Молитвой Сергіевой чудной!“
Татаринъ встрѣчу — ловитъ, ждетъ.
Ударились.... Не громъ-ли грянулъ?..
Татарскій конь назадъ отпрянулъ;
И сѣдока на немъ ужь нѣтъ!

Лежитъ онъ, латами блистая;
И кровь изъ раны бьетъ струей.
Сробѣли полчища Мамая.
Погибъ оплотъ ихъ Челубей.
И ты окончилъ путь терновый,
Пустынникъ — житель неба новый!
Начавъ освобожденья бой,
Радѣя родинѣ безцѣнной,
И отцвѣтивъ на схимѣ черной
Своею кровью крестъ святой.

Не даромъ предъ глазами братій
Легъ на землѣ твой смѣлый слѣдъ.
Летятъ они къ Татарской рати;
И грянулъ бой.... и меркнетъ свѣтъ
Отъ стрѣлъ пущенныхъ, и отъ пыли.
Татаръ Россіяне сломили.
Легли плотиною тѣла
Въ Непрядвѣ; и отъ Дона къ Мечѣ
На полѣ богатырской сѣчи
Кипуча кровь, дымясь, текла.

Ушихло все. Живыхъ невидно
Тапаръ ни, шушъ, ни вдалекѣ.
Мамай лишь скачетъ въ бѣгъ постыдно
Безъ прежней свиты налегкѣ.
Россійски воины младые
За нимъ погоней.... Удалые
Слѣдятъ по гати, по пескамъ.
Но рѣзвый конь его уноситъ;
И Руская труба разноситъ
Призывны звуки къ знаменамъ.

Донскому честь побѣды славной.
Но раненъ, и скорбя душей,
Склонился онъ главой державной,
И слезы каплютъ изъ очей:
Кругомъ его растутъ курганы
Надъ павшими въ ужасной брани.
Того, другаго ищетъ.... Нѣтъ!
О третьемъ спроситъ.... и все тоже!
Ихъ приняло могильно ложе.
И ты, подвижникъ Пересвѣтъ! —

Почтенъ слезой его священной.
Быть можетъ твой геройскій духъ,
Недавній узникъ плоти бренной,
Склонялъ таинственно свой слухъ

Къ хваламъ печальнаго Владыки.
И Сергій, мужъ Святый, Великій
Тебѣ миръ вѣчный возгласилъ.
И чтитъ тебя страна родная.
Гдѣ вспомнятъ съ ужасомъ Мамая,
Ты, какъ Хранитель-Ангелъ, милъ!

Близъ стѣнъ обители смиренной (*)
Красуется прибрежный холмъ;
И древній храмъ на немъ священный,
И сельски домики кругомъ
Стоятъ пустыней предъ Москвою,
И тамъ подъ гробовой доскою
Почилъ твой богатырскій прахъ.
Съ тобою въ тишинѣ могильной
Покоится Ослябя сильной —
Собратъ твой въ келльѣ, и въ бояхъ.

Объ васъ подъ сводомъ благодатнымъ
Молитвы къ Вышнему гремятъ.
Вашъ гробъ съ кадильемъ ароматнымъ
Слезой сокрытичи кропятъ.

(*) Симоновъ монастырь.

На подвигъ бранный провожая,
Идешъ къ вамъ съ сыномъ машь, рыдая (*);
И вашу доблесть сынъ младой
Береть въ примѣръ съ благословеньемъ.
И воина ждешъ машь съ терпѣньемъ
Изъ дальнихъ странъ подъ кровъ родной.

(*) Въ прежнія времена многіе родители, записавши дѣтей въ военную службу, и отпуская ихъ на поле бранное, являлись съ ними ко гробу сихъ великихъ подвижниковъ за вѣру и отечество, и по отслушаніи панихиды, давали дѣтямъ свое благословеніе, и поручая покровительству небожителей иноковъ, надѣляли примѣромъ истинной доблести. Быть можетъ этому благому обыкновенію и нынѣ, хотя немногіе, слѣдуютъ.

2.

ВИРИТСКАЯ ЦАРЕВНА.

I.

На брегѣ озера рыдая,
Отъ всѣхъ оставленна, одна,
Ждетъ змѣя дѣва молодая,
Ему на жертву отдана.

Чудовище — рожденье ада,
Судьбою въ казнь Виритцу данъ,
Что день, то къ змѣю житель града
Приходитъ данью отъ гражданъ.

Уставилъ то ихъ Царь несчастной,
Исполня идольскій совѣтъ,
И дочерью своей прекрасной
Вершитъ плачевный свой обѣтъ (*).

(*) Царь пожертвовалъ своею дочерью тогда уже, когда заведенная очередь обошла всѣхъ жителей. Тѣмъ тягостнѣе для него была эта жертва, что другихъ дѣтей у него не было.

Прелестная, какъ лучь денницы,
Царевна — свѣтъ въ очахъ Царя,
Ушѣха матери-Царицы;
Надеждъ ихъ милая заря —

Съ душею свѣтлой и унылой,
Съ тоскою въ сердцѣ гробовой,
Какъ Геній жизни надъ могилой,
Стоитъ на стражѣ роковой.

Минуты длятся ей, какъ годы,
Ливанъ (*) страшилищемъ глядитъ;
Дыханьемъ смерти вѣетъ воды,
Гдѣ змѣй во глубинѣ лежитъ.

Бойницы, стѣны городскія
Народомъ милымъ ей кипятъ;
Свѣтлѣютъ выси золотыя
Родныхъ отеческихъ палатъ.

Душа полна воспоминаній,
И страха смертнаго полна;
И Царь — творецъ ея страданій,
Какъ призракъ блѣденъ, у окна.

Клянетъ онъ идоловъ бездушныхъ,
И дочь совѣтомъ ихъ губя,
Клянетъ всѣхъ идоламъ послушныхъ,
Клянетъ судьбу, клянетъ себя.

(*) Ливанскія горы въ виду отъ озера и города.

И мать со свитою печальной,
Какъ осени глухая ночь,
Въ одеждѣ черной погребальной
Глядитъ изъ терема на дочь.

И озеро ей въ очи блещетъ,
И страшной ждетъ она волны;
И сердце матери трепещетъ,
Померкши очи слезъ полны;

Дрожащія простерты руки,
Чтобъ милую еще обнять;
И словъ прощальныхъ томны звуки
Ввѣряетъ вѣтру нѣжна мать.

Царицы сердце, и Царевны
Въ бесѣдѣ слезной межъ собой.
Двѣ арфы спонутъ такъ плачевны
Тоски мелодіей одной.

Царевна въ багряницѣ алой —
Невѣста жертвенна боговъ (*),
Какъ юный лебедь запоздалой,
На Сѣверѣ среди снѣговъ, —

(*) Родители, отпуская дѣтей на съѣденіе змѣю, украшали ихъ самыми богатыми по состоянію каждаго одеждами.

Томится скорбью безотрадной.
Ее жжетъ солнце, мучитъ страхъ;
И грудь тѣснитъ ей воздухъ смрадной,
И жажда пламенна въ устахъ.

И кажется ей, валъ широкій
Встаетъ на озерѣ сѣдой,
И змѣй подъ нимъ пламенно-окій
Своей сверкаетъ чешуей.

Виринскихъ дѣвъ погибшихъ тѣни
Тоскливы плещутся въ волнахъ;
Призывы слышитъ привидѣній,
И меркнетъ свѣтъ въ ея очахъ.

Но вѣтръ повѣялъ отъ пустыни,
И гонитъ пыль столбомъ сѣдымъ,
И бѣлый конь изъ середины
Мелькаетъ всадникомъ младымъ.

Герой, какъ свѣтлый Духъ небесный,
Отваги полный неземной,
Несется въ пущь ему извѣстный,
Покрытъ весь сталью боевой.

Доспѣхъ узорной вороненый —
Краса его могучихъ плечъ;
Въ огнѣ громовомъ закаленой,
Съ бедры опущенъ страшный мечь.

Полночной яркою звѣздою
Горитъ копье надъ головой;
И шлемъ съ рѣшеткой золотою,
И крестъ на шлемѣ золотой;

И круглый щитъ его тяжелый,
Какъ мѣсяцъ полный за спиной;
И съ гребня шлема перья бѣлы
Снѣговой зыблются волной.

И конь, на вѣтеръ брося гриву,
Съ нимъ вровень къ озеру летитъ,
И съ удилъ грудь свою рѣтиву
Кипучей пѣною кропитъ.

Кладетъ свой слѣдъ на камни вспрѣчны,
И мечетъ дернъ береговой.
Ручьи, овраги поперечны
Подъ нимъ мелькаютъ чередой.

Зерка́льныхъ водъ уже коснулась
Летучая героя тѣнь.
Царевна робко оглянулась:
Онъ въ очи ей, какъ майскій день.

Скажи мнѣ, дѣва молодая!
Спросилъ герой Цареву дочь:
За чѣмъ стоишь ты здѣсь, рыдая?
Бѣги отсюда, воинъ прочь!

Ты смѣлъ, могучь, и храбръ, и молодъ,
Ему Царевна говоритъ:
Здѣсь адскій пылъ, и адскій холодъ,
И кто изъ смертныхъ устоитъ?

Оставь меня судьбѣ жестокой,
Какъ всѣ оставили меня;
Сокройся за стѣной высокой.
Тамъ мой отецъ, и мать моя.

Бѣги! они тебѣ разскажутъ
Про ихъ, и про мою печаль;
Желанный путь тебѣ укажутъ.
Бѣги скорѣй — тебя мнѣ жаль!

Не бойся, дѣва молодая!
Со мной мой мечь, мое копье,
И сила Божія святая;
Скажи про горе мнѣ свое!

Бѣги, герой, себя спасая,
Не помощь ты въ бѣдѣ моей!
Я жертва смерти чередная.
Жрецъ въ озерѣ — онъ страшный змѣй.

Пусти коня... онъ чуткій рвется,
И съ озера не сводитъ глазъ;
Лишь дунетъ змѣй, конь задохнется.
Бѣги! змѣй... змѣй! мой смертный часъ!

II.

Змѣй! змѣй! ощгрянуло въ Виришѣ.
Въ народѣ вопль, смяшенье, сшрахъ;
Печальный шопошъ въ царской свишѣ,
Трепещушъ дѣвы въ шеремахъ.

Таковъ позоръ въ сшѣнахъ Сіона
Былъ ужаса, и горькихъ слезъ,
Какъ Рима гордаго знамёна
Отважный Тишъ шуда принесъ.

И сшарцы помняшъ, и младые
Въ Виришѣ шошъ плачевный часъ,
Какъ Змѣй на сшѣны городскія
Сверькая пыломъ красныхъ глазъ, —

Рыгалъ изъ пасши адскимъ смрадомъ,
И свиспомъ о́кресшносшь глушилъ,
И, воздухъ оправивши ядомъ,
На башнѣ сшражу задушилъ.

Царевна, жершвуя собою,
День жизни городу даришъ.
А завшра?.. можешъ бышь съ зарёю
Погибнешъ жершвой весь Виришъ!

Но все еще, какъ лучь опрадной
Разсѣпа въ шемнопѣ ночной,
Сіяетъ шайной ненаглядной —
Близь дѣвы Випязь молодой.

Изъ устъ въ уста со спѣнъ и башенъ
Молва - опгадчица лепишъ:
Опкуда опъ, и кпо безспрашенъ
Гопповъ со змѣемъ въ бой, споипъ?

Бышь можешъ намъ для обороны,
Мечпаюпъ въ горести своей,
Опъ Зевса присланъ сынъ Лапоны (*),
Иль славный полу - богъ Персей?

А кресшъ на шлемѣ?.. Если смѣемъ,
Не нашихъ онъ посолъ боговъ.
Ихъ дѣло испребляшь насъ змѣемъ;
Въ защипу нѣшъ у нихъ пословъ!

Ужь вздушный валъ кашишъ горою,
Ударилъ въ берегъ... шумъ глухой
Разсыпался надъ глубиною
Съ возвращной бѣглою волной.

Змѣй двинулся, и слѣдъ глубокій
Вдавилъ въ песокъ береговой;
Раскрылъ зубасшый зѣвъ широкій,
Сверькаешъ жаломъ, какъ спрѣлой;

(*) Аполлонъ.

Бьешъ оцибомъ, глазами пышешъ,
Гремишъ стальною чешуёй,
И брыжжешъ пѣной, ядомъ дышешъ,
И прямо къ жершвѣ роковой!

И къ ней все ближе... страшно свиснулъ;
Но вишязь ввспрѣчу, и копьемъ
Ударилъ въ пасть; къ землѣ приписнулъ,
И топчешъ злобнаго конемъ.

Клубится змѣй, грызешъ зубами
Булашъ убійственный копья.
Но конь громишъ его ногами.
Лешишъ со змѣя чешуя.

Утихъ злой аспидъ, прошянулся;
Не свищешъ больше, не шипишъ.
На дѣву вишязь оглянулся,
На поясъ змѣя взяшь велишъ.

Царевна въ вишязѣ узнала
Пришельца изъ небесныхъ спранъ,
И смѣло змѣю навязала
На шею шелковый арканъ.

Идешъ въ Виришъ, и змѣй за нею,
Какъ въ спадѣ песъ за пастухомъ.
А вишязь въ слѣдъ, — и страшный змѣю,
Грозишъ стопшашь его конемъ.

Виршіяне въ смященьѣ новомъ,
Изъ города ихъ гонишъ спрахъ.
Но вишязь чудный власпнымъ словомъ
Велишъ оспашься имъ въ спѣнахъ.

Царевна въ городъ... шумны волны
Народа въ улицахъ кипяшъ;
И Царь съ Царицею безмолвны
Навспрѣчу вышли изъ палашъ.

Имъ вѣспь за вѣспью... и боящся
Довѣришь подданнныхъ рѣчамъ,
И видяшъ сами, и дивяшся,
Не вѣря собспвеннымъ очамъ.

Но плѣнникъ — змѣй горой зыбучей
Придвинулъ, спалъ вблизи палашъ,
Герой съ коня... въ рукѣ могучей
Блеснулъ, какъ молнія, булашъ.

Кровь чернымъ брызнула фонпаномъ,
Народъ опъ радоспи кричишъ,
Чудовище безглавымъ спаномъ
Опъ смерпныхъ судорогъ дрожишъ.

Опецъ и машь спѣшашъ къ герою.
Дочь юная навспрѣчу имъ,
Къ нимъ липнепъ шѣломъ и душою,
Какъ пчелка къ сошамъ медовымъ.

И слезы дочери слилися
Съ слезами радости родныхъ;
И въ ихъ словахъ отозвалися
Восторговъ чувства неземныхъ.

Идутъ... Царевна съ ними рядомъ.
Привѣтливо взглянулъ герой;
И въ очи имъ со свѣтлымъ взглядомъ
Блеснулъ, какъ солнце, крестъ святой.

Повѣдай, витязь! кто ты чудный,
Не Богъ-ли съ неба? Царь сказалъ.
Я рабъ Христа послѣдній, скудный,
Царю воитель отвѣчалъ:

Его велѣніемъ, и силой
Врага Виритскаго убилъ,
И дочери, тебѣ такъ милой,
Я жизнь младую сохранилъ.

Георгій, имя мнѣ земное.
Земля какъ будто запряслась;
И что-то свѣтлое живое
Сокрыло витязя отъ глазъ.

И нѣтъ его! лишь пеканью бѣлой
Съ земли прошянутъ къ небу свѣтъ;
И бранный конь стоялъ гдѣ смѣлой,
Подковъ его остался слѣдъ.

Костеръ пылаетъ за спѣнами;
На немъ змѣиный прутъ трещитъ.
А Царь съ придворными чинами
О чудной шайнѣ говоритъ.

Небесной рѣчь полна отрады;
Купели требуютъ святой.
И всѣ спѣшатъ въ нее — всѣ рады
Обмыться свѣтлою водой.

Разбиты идолы презрѣнны,
Пріютный ихъ разрушенъ кровъ,
И храмы строятся священны;
У всѣхъ на персяхъ кресцъ Христовъ (*).

(*) Св. крещеніе приняли тогда 25,000 челов., не считая женщинъ.

3.

ПОТОПЪ.

Міръ юный, чудный красотою —
Дитя въ объятіяхъ Творца
Играетъ жизнью молодою
Во свѣтлости Его лица.
Пространство, вещество и время,
Живое безсловесныхъ племя,
И въ персть запечатлѣнный умъ,
Чины планетъ, и ихъ уставы
Полны любви Его и славы,
И Творческихъ превѣчныхъ думъ.

Сіяютъ крошко надъ землёю,
Какъ радость, ясны небеса;
И дышутъ нѣгою живою
На ней и воды, и лѣса;
Съ лужаекъ вѣютъ ароматы;
Поля, какъ житницы богаты;

Жилище роскоши весь міръ:
Ей ложе пышное — долины,
Возглавіе — холмовъ вершины;
Твореній жизнь, какъ брачный пиръ.

И всѣ они Творцу послушны:
А ихъ властитель — человѣкъ?
Прельщенъ гордыней малодушный,
Рабомъ ея влачитъ свой вѣкъ —
Вѣкъ долгій... И изгнанникъ рая,
Соблазна жертвой умирая,
Въ наслѣдіе другимъ даетъ
Безвѣріе, и думы злыя;
И голосъ Истины святыя
Вопіще блуждающихъ зоветъ.

Въ весельи шумномъ Сиѳа внуки
Братоубійцы родъ чествятъ,
И дѣвамъ чуждымъ давши руки,
Съ ихъ устъ коварныхъ пьютъ развратъ.
Сроднилась тьма съ сынами Свѣта.
Всевышній сократилъ ихъ лѣта (*).

(*) Потомки Сиѳа назывались сынами Божіими, а потомки Каина — сынами человѣческими. Долгое время первые чуждались послѣднихъ. Наконецъ, прельстясь красотою дочерей ихъ, породнились съ ними и самыми нравами. Богъ сократилъ жизнь ихъ, изъ многихъ столѣтій состоявшую, до 120 лѣтъ. Кн. Быт. гл. 6.

Но зрѣетъ, и плодится зло.
И быстрымъ плѣнія потокомъ,
Черно, какъ ржавчиной, порокомъ,
Течетъ дней крашкое число.

Забытъ завѣтъ .. мечты превожны
Померкшій умъ людей зажгли;
И мудрованій блескъ ничтожный
Свѣтиломъ сдѣлался земли.
Трудится Ной корабль свой строя;
Смѣются всѣ заботѣ Ноя.
И вспыхнулъ страшный гнѣвъ небесъ.
Бушуетъ вѣтръ, сперлися тучи;
Взмахнулъ, кружится вихрь летучій;
Ударилъ дождь, и свѣтъ изчезъ.

Ненастье долгое....Безъ вёдра
Дни бурные и ночи шли.
Земные растворились нѣдра,
Къ истокамъ воды потекли.
Ручьи раскинулись рѣками,
И рѣки ширятся морями;
Встревоженны моря всѣхъ странъ
Расторгли береговъ заклепы,
И съ ложа ринули свирѣпы
Въ одинъ смѣсишься Океанъ.

Потопъ....Потопъ! и страхъ и трепетъ
Всю жизнъ земную потрясли.
И вой, и ревъ, и крикъ, и лепетъ
Слились въ смертельный вопль земли.

Бѣда невиданна отъ вѣка!
И что здѣсь разумъ человѣка?
Что зданій гордыхъ высота?
Что сила и отвага львина,
Смышленность хитрая змѣина;
Что птицъ небесныхъ быстрота?

Вездѣ печальная тревога,
И безнадежна суета:
Подъ сѣнью брачнаго чертога
Рыдаетъ юная чета
Друзей со свитою избранной.
Къ нимъ гостьей смерть пришла незванной.
А шамъ тоскующа, блѣдна
Средь волнъ на деревѣ страдая!
Въ нихъ тонетъ дѣва молодая,
Какъ въ тучѣ полная луна.

На кровлѣ храмины высокой
Спасая жизнь свою жена,
Терзается въ тоскѣ глубокой,
Дѣтей и мужа лишена.
И видитъ смерть свою — трепещетъ....
Отчаянную ливень хлещетъ.
На вопль ея лишь вой кругомъ,
Волна лишь за волною рыщетъ,
Лишь вѣтеръ, ихъ гоняя свищетъ,
Трещитъ лишь, разрушаясь, домъ.

Отца слѣпаго взявъ на плечи,
Сынъ къ холму ближнему идетъ;
И страшныя несчастныхъ рѣчи
Вѣтръ буйный по водѣ несетъ.
Клянутъ судьбу, и вѣтръ, и воду,
Клянутъ себя, и всю природу.
Слабѣетъ сынъ. . Волна кипитъ...
И путникамъ она могила;
Ихъ пѣны саваномъ покрыла,
И дождь по савану шумитъ.

Кипятъ съ рѣпивыми конями
Въ котлѣ необозримомъ волнъ
Деревья съ птицами, съ звѣрями,
И съ рыбакомъ верпляный чёлнъ;
Безъ крыши зданіе кружится,
На камень ладія садится,
И плещетъ чрезъ нее волна.
И все съ безсильною борьбою
Печальной тонетъ чередою.
Опъ жертвъ тучнѣетъ глубина.

Оставя въ бѣгствѣ на равнинѣ
Дѣтей своихъ усталый левъ,
Горы высокой на вершинѣ,
Угрюмъ вспрѣчаетъ Неба гнѣвъ.
На ребра горные ступая,
Идетъ ко льву волна сѣдая.

И шумную онъ съ ревомъ ждетъ,
Навстрѣчу ширитъ пасть грозящу;
Зубовъ ужасныхъ кажетъ чащу...
Въ пучину льва волна несетъ.

На кедрѣ гордаго Ливана
Надъ бездною и бодръ и смѣлъ,
Сидитъ подъ ризою шумана
Пернатыхъ мощный царь — орелъ.
Жилецъ заоблачной лазури
Любуется онъ шумомъ бури,
И ревомъ разъяренныхъ водъ.
Но первый смерти вѣстникъ — холодъ;
Другой — ея наперстникъ голодъ
Зоветъ безстрашнаго въ полётъ.

Взмахнулъ широкими крылами,
И вѣтеръ бурный осѣдлалъ;
Взвился надъ грозными волнами:
Но тщетно взоръ его искалъ
Добычи въ области воздушной,
Досель къ нему всегда радушной.
Пожралъ несытый океанъ.
Любимую орлину пищу.
Летитъ онъ къ своему жилищу....
Изчезли кедры, и Ливанъ.

И видитъ онъ одну пучину
Безъ береговъ, безъ острыхъ скалъ;
И горько на свою судьбину
Всегда довольный проропталъ.

Знакомый въ первый разъ съ нуждою,
Кружится тощій надъ водою;
И ниже — ниже.... и безъ силъ
Онъ полумертвыми крылами
Уже слипается съ волнами,
И очи ясные закрылъ.

Трепещутъ горнія свѣтила
Печальной участи земли:
Луну и солнце тьма покрыла,
Въ туманѣ звѣзды залегли.
Земля, какъ жертва роковая.
И ночь надъ нею гробовая.
Изъ хлябей неба воды льютъ,
Растутъ земныя къ небу воды
Могилой страшною природы;
Надгробну вихри пѣснь поютъ.

Нечестія не слышенъ ропотъ.
Безбожный бытъ изчезъ, какъ сонъ.
Дробится только бури грохотъ
По впадинамъ гремучихъ волнъ.
Безъ теплоты земля, безъ свѣта.
Заря не шлетъ землѣ привѣта.
Въ грозящей пышности своей
Безъ всѣхъ преградъ вольны, и скоры
Валы катаются, какъ горы,
Въ просторѣ выспреннихъ зыбей.

Заливши горнія пустыни,
Въ длинѣ широкой безъ конца,
Пучина съ трепетомъ рабыни
Простерлась предъ лицемъ Творца,
Полна и бѣдъ и непріязни,
Страшна, какъ исполнитель казни,
Надъ злой преступницей землей.
И Небо Ноя помянуло;
И солнце радостно блеснуло
Среди лазоревыхъ полей.

Въ борьбѣ съ стихіею невѣрной
Безъ кормчаго, безъ парусовъ
Плывешъ корабль по влагѣ чёрной —
Невольникъ вѣтра и валовъ.
Закрытъ, и осмоленъ отвсюду,
Морскому онъ подобный чуду,
Волнами бурными носимъ,
Порою равенъ съ облаками,
Порою въ безднѣ межь скалами,
Какъ Неба тайна, невредимъ.

И казни кончилась година.
Вода спѣшитъ въ обратный бѣгъ;
И сушѣ отдаетъ пучина
Ей Богомъ ввѣренный ковчегъ.
Въ немъ вѣра, въ немъ завѣтно сѣмя,
Существъ земныхъ живое племя;

И новый міръ, и новый вѣкъ;
И правды и добра съ осшашкомъ
Грѣховной немощи съ припадкомъ
Земли владыка — человѣкъ.

И гдѣ же красоша земная:
Гдѣ бархашны ковры луговъ;
И роскошъ нивъ; и гдѣ садъ Рая?
Нѣшъ прежней жизни и слѣдовъ!
Морями сдѣлалися пашни,
И пропасшь шамъ, гдѣ были башни;
Корнями вверьхъ размешанъ лѣсъ;
На долы сдвинулися горы;
Всѣ виды — пагубы узоры —
Чершежъ опмщенія Небесъ.

Ной вышелъ на подвласшну сушу.
Когда бы въ райскія мѣсша
Изъ шьмы перенесли чью дущу...
Такъ радосшь Ноева чисша!
Полна и слезъ, и умиленья
Среди земнаго обновленья.
Онъ Богу пѣснь хвалы поешъ;
И жершвы шукъ, пылая, льешся;
И Ною опъ Творца даешся
И мира и любви завѣшъ.

4.

ВЪ АЛЬБОМЪ ДОЧЕРИ

въ день ея бракосочетанія 28 го Апрѣля 1841 года.

Предъ Алтаремъ святымъ Христовымъ
Стоишь въ вѣнцѣ ты, дочь моя!
И чувствомъ свѣтлымъ — чувствомъ новымъ
Зашевелилась душа твоя.

Горитъ она огнемъ рожденья,
Какимъ жизнь Еввы зажжена;
И тайна Еввы сотворенья
Въ тебѣ теперь повторена.

Съ тобой женихъ — твой другъ надежный.
Любовь — вамъ счастія залогъ.
Союзъ благословляя нѣжный,
Вѣнчаетъ васъ единствомъ Богъ.

Слились таинственно два тѣла,
И двѣ души у алтаря;
И двойственна душа свѣтлѣла
Предъ взоромъ Вышняго Царя;

И имя новое завѣтно
Святая церковь вамъ дала:
Супругъ — супруга.. И привѣтно
Обѣты въ вѣрности взяла.
И слышалъ вашъ обѣтъ смиренный
Тотъ, нашей правитъ кто судьбой,
И на скрижалѣ сокровенной
Написанъ онъ Его рукой.

Незримый, полный умиленья,
Прильпнувши къ вамъ моей душой,
Я ваши провождалъ моленья
Моей горячею слезой.

5.

ПРОЩАНІЕ (*).

Взгляни на друга; другъ мой милый!
Какъ голубь сирый, грустенъ онъ
У хладной сѣпуетъ могилы,
Гдѣ шы легла на смертный сонъ,

Супругъ печальный съ сиротами —
Опора дряхлая семьѣ
Рыдаю, и кроплю слезами
Я ложе чудное твое —

Твое жилище гробовое,
Ошкуда вѣчность лишь видна —
Вѣковъ кладбище родовое,
И страха, и иадеждъ полна.

(*) Въ этомъ стихотвореніи авторъ оплакиваетъ потерю супруги своей, скончавшейся 4го Марша 1842 года Примѣч. *Издат.*

Кругомъ тебя и мракъ, и душно.
День съ ночью — темной спятъ четой,
И все безмолвно, все бездушно,
Покрыто тайною святой.

Проснися, узница темницы!
Есть Богъ... свобода жребій твой!..
Повѣдай тайну мнѣ гробницы,
И тайну жизни мнѣ открой!

Куда она жизнь слезъ — рыданья
Летитъ, какъ облачная тѣнь;
Зачѣмъ исполнены страданья
Нашъ первый, и послѣдній день?

Зачѣмъ и ты на путь завѣтной,
Осеннихъ не дождавшись дней,
Порхнула горлицей отлетной,
Оставя друга, и дѣтей?

Легла мнѣ глыбой ледяною,
И сердце сгиснула тоска.
Взгляни на друга, другъ! съ луною,
Дохни съ дыханьемъ вѣтерка;

Небесной жизнью отзовися
Въ полдневныхъ солнечныхъ лучахъ,
Съ зарей вечерней поглядися
Въ моихъ, какъ въ зеркалѣ, слезахъ!

На зовъ, на слезы нѣтъ отвѣта! . .
О другъ! что сталося съ тобой?
Когда безъ сладкаго привѣта
Встрѣчалась въ жизни ты со мной? . .

Ты спишь. . . и стражемъ смерть надъ жертвой
Сидитъ, судебъ исполня судъ;
И тлѣніе рукою мертвой
Вѣнчаетъ грозный смерти трудъ.

Ты спишь. . . и возрожденья сѣмя
Пускаетъ ростъ во глубинѣ,
И съ вѣчностью бесѣдой время
Тебя баюкаетъ во снѣ.

Ты спишь съ надеждой пробужденья,
Исполня вѣры здѣсь законъ;
И Рая свѣтлыя видѣнья
Лелѣютъ твой отрадный сонъ.

Ты спишь. . . И вѣки надъ тобою,
Тебѣ не внятные пройдутъ.
Но ты проснешся, какъ трубою
Архангелъ скажетъ Божій судъ.

Прости, мой другъ — моя отрада!
Я тамъ увижуся съ тобой,
Гдѣ добрымъ вѣчная награда,
Страдальцамъ гдѣ земнымъ покой.

6.

СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ (*).

Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ.
Скажитежъ, коль великъ Творецъ!
Ломоносовъ.

Таинственной небесъ обновой
Среди ночнаго торжества
Огонь холодный и багровый,
Какъ пришлый въ область естества,
Какъ выродокъ самой природы;
Пылаетъ съ Сѣвера, гдѣ воды,
Закованныя въ вѣчный ледъ,
Зима въ неволѣ стережетъ.

Волнистые потоки свѣта
Полнеба залили собой;
И смертныхъ грустная примѣта —
Столповъ явился дивный строй.

(*) По желанію автора это стихотвореніе было напечатано въ журналѣ: Москвитянинъ № 5-й, 1841 года.

Не древнихъ-ли Гигантовъ тѣни
Выходятъ изъ могильной сѣни,
И молніей опалены,
На ужасъ кажутъ тѣнь войны?

Иль это громъ оцѣпенѣлый
Въ огнѣ застывшемъ чудно спитъ?
Иль паръ земный оледенѣлый
Небеснымъ ночникомъ горитъ?
Зимцерла-ли (*) свой одръ янтарный
Поставила на кругъ полярный,
И шамъ въ морозной шемнотѣ
Покоится на высотѣ?

Иль не магнитъ-ли ризу свѣта
Къ землѣ отъ солнца притянулъ?
И всѣ вопросы безъ отвѣта.
И умъ въ догадкахъ потонулъ.
Такъ кто-жь зажегъ огонь полночный?
Природа?.. Иль судьбою мочной
Онъ высѣченъ изъ вѣчныхъ льдовъ —
Намъ вѣстью будущихъ годовъ?

И зыблется огня пучина,
И мертвымъ блескомъ обдаетъ.
Живая тлѣнія каршина!
Въ борьбѣ со тьмою видѣнъ свѣтъ.

(*) Славянская Аврора.

Но все померкло.... ночь нѣмая,
Во мракѣ тайну погребая,
Еще угрюмѣе молчитъ,
Еще таинственнѣй глядитъ.

Не такъ-ли хаосъ довременный
Въ броженіи стихій мертвѣлъ?
Не такъ-ли — міръ не довершенный,
Во тьмѣ запопленный горѣлъ,
Какъ съ Небомъ времени начало
Всемощнымъ Словомъ просіяло,
И мрака пробивая сѣнь,
Безсолнечный раждался день?

Не такъ-ли небо пламенѣло,
Какъ Рай спознался со грѣхомъ;
Не такъ-ли время цѣпенѣло,
Какъ смерть вошла туда за зломъ;
И Прародители рыдая,
Изгнанниками шли изъ Рая;
Какъ огнь за ними запылалъ,
И спорожемъ у входа спалъ?

Не такъ-ли запылаетъ снова,
Какъ Вѣчный солнце погаситъ,
И судъ Божественнаго Слова
Трубой Архангелъ возвѣститъ;
И ровно въ море вешни воды,
Сольются въ вѣчность всѣ народы
Съ отчетомъ въ жизни ихъ земной,
И станутъ тамъ предъ Судіей?

Владыка міра Три-единый!
Сколь чуденъ Ты въ Твоихъ дѣлалъ!
Ты жизнь всего... всему причины
Свѣтлы, какъ день въ Твоихъ очахъ.
Ты движешъ силами природы,
И въ вѣчность возвращаешь годы,
И новыхъ лѣтъ потоки льешь.
Безлѣтный въ вѣчности живешь.

Твои святые Серафимы
Тебѣ слугами предстоятъ.
Ты Богъ, и имъ Непостижимый,
Всей святости превыше — Святъ!
А мы во тьмѣ.. и все насъ мучитъ.
Но вѣра свѣтитъ намъ, и учитъ
Тебѣ покорностью служить;
Тебя бояться, и любить.

7.

ВОСПОМИНАНІЕ (*)

въ 22 Мая 1842 г.

Нашей радости година ! —
Другъ! мы въ этотъ день съ тобой
Спали духъ и плоть едина ,
Къ счастью призваны Судьбой.

Пѣснь святая раздалася ;
Намъ вѣнецъ покрылъ чело.
Жизнь моя съ твоей слилася,
Сердце къ сердцу приросло.

Освятила радость нашу
Вѣра жертвой Небесамъ ,
И любовь блаженства чашу
Поднесла привѣтно намъ.

(*) Сія статья посвящена Авторомъ также памяти супруги своей. Примѣч. Издат.

Неразлучные до гроба,
Идемъ въ подвигъ бышія,
Какъ шекупъ — какъ мирны оба,
Сочетавшись два ручья.

Мысль одна — одно желанье,
Вѣра правая одна.
Ты мое меня сознанье,
Мнѣ сочувствіемъ полна.

Мнѣ сгруснется — ты, какъ радость,
Взглянешь — горе отлегло.
Молвишь слово... сердцу сладость!
Слово горе унесло.

Я счастливъ. Но вѣрность счастье —
Счастье льстивое, какъ сонъ?
Вѣдру спутникомъ ненастье;
Смѣху спутникъ — слезный стонъ.

Небо чисто и прозрачно,
Дышетъ нѣгою весна:
День ушѣхъ — веселье брачно:
А душа тоски полна!

Другъ! гдѣ ты?.. И льются слезы.
Я въ обители святой (*).
Здѣсь подъ тѣнію березы
Новъ пріютъ печальный твой

(*) Даниловъ монастырь.

Постланъ тканью дерновою,
Зеленѣетъ бугорокъ;
Съ молодой на немъ травою
Грустно шепчетъ вѣперокъ.

Ты не слышишь надъ могилой
Шопотъ травки молодой;
Ты не слышишь, какъ твой милой
Горько плачетъ надъ тобой!

Ты безмолвна, одинока,
Свыклась съ мертвой тишиной,
Спишь плачевной жертвой рока
Въ темной сѣни гробовой.

Глубоко возглавье спящей
Залегло въ землѣ сырой;
И тяжелъ покровъ лежащій,
Другъ мой милый, надъ тобой!

Ахъ! когда же ты проснешься,
Сбросишь смертны пелены;
Взглянешь нѣжно — улыбнешься
На меня, какъ день весны?

Спи, подруга несравненна!
И могильна ночь пройдетъ.
Къ новой жизни пробужденна,
Ты увидишь Вѣчный Свѣтъ!

8.

ЖИЗНЬ.

Плавя печальну дань судьбѣ,
Живу загадкой я себѣ.

Кто я? Не сынъ ли я природы?
Но съ ней борюсь безсильный я!
Въ борьбу со мной выходятъ годы;
Уноситъ каждый часъ меня.
Какъ вешній снѣгъ, я въ горѣ таю,
Какъ свѣчка, въ радости сгараю;

И тяжкимъ обрѣченъ трудамъ,
Со всѣхъ сторонъ открытъ бѣдамъ.

Не радъ мнѣ гостю міръ холодный:
Лишь только вышелъ я на свѣтъ,
Могилы житель червь голодный
Меня — свою добычу ждетъ.
И алчный, онъ меня дождется.
Мой оставъ прахомъ распадется,

И вѣтеръ буйный замететъ
Мой странническій въ мірѣ слѣдъ.

Дѣла мои — забвенью пища;
Исчезнетъ имя, какъ мечта;
Изъ оконъ сграго жилища
Тоской повѣетъ пустота;
Подернетъ шлѣющія стѣны,
Какъ надпись смерти, мохъ зеленый.

Болѣзней жертва и суетъ
Зачѣмъ родимся мы на свѣтъ?

О чемъ сградальцы мы печальны
Такъ горько сѣтуемъ родясь;
И кто пойметъ нашъ вздохъ прощальный,
Какъ нашъ пробьетъ послѣдній часъ?
И послѣ нашъ что будетъ съ нами,
Гдѣ безпредѣльность надъ мірами

Престоломъ Вѣчнаго стоишь,
Куда и мысль не долетишь?

Но пламенна туда стремится
Она по лѣстницѣ міровъ;
Тоскою жадной грудь томится
По свѣтлой родинѣ духовъ.
И намъ отчизна нашъ святая.
Но сами мы, объ ней мечтая,

Найдемъ-ли путь въ нее прямой,
Покрытый тайною нѣмой?

Повѣялъ легкими крылами,
Летитъ безплотный Серафимъ —
Духъ вѣры — слился съ небесами...
Сливаюся душею съ нимъ —
Его послушникъ безъусловный,
И вижу мой сосшавъ духовный.

Онъ око весь, и жизнь, и слухъ,
Весь сила, умъ — безмерный духъ.

И что заклепы гробовые,
Что червь — могилы власшелинъ?
Оковы сброшу имъ земные;
И вѣчности любимый сынъ
Къ любимой машери явлюся,
Съ моимъ Творцемъ соединюся! —

9.

НОЧЬ.

Спитъ глубокимъ сномъ Сполица,
Нѣжась въ сладкой тишинѣ;
И надъ нею звѣздъ Царица
На раздольной вышинѣ
Продолжаетъ путь урочный,
Ровно посланный нарочный.
Долгу строгому вѣрна,
Всё идетъ, нигдѣ не спанетъ,
Лишь въ окно кой-гдѣ заглянетъ.
Но стыдлива, и скромна —

Закрывается поспѣшно
Темной облачной фатой.
Не всегда — не всё безгрѣшно
Въ нашей сферѣ суетной.
Вровень съ дѣвственной луною
Ночь идетъ съ своей семьёю

Привидѣній и духовъ,
Обаяній разновидныхъ,
Скучныхъ, радостныхъ, обидныхъ,
Добрыхъ, и зловѣщихъ сновъ.

Сонъ играетъ смертныхъ долей
Такъ, какъ страсти наяву.
Зло, приваженное волей,
Входитъ въ сонныхъ, какъ по зву.
Тѣ же снятся имъ проказы,
Тѣ же сплетни, и разсказы —
Топъ же вихорь суеты.
Нищій выстроилъ палаты;
Обѣднялъ скупецъ богатый;
Палъ вельможа съ высоты.

Смолкъ вишія говорливый;
Прозой сердится поэтъ;
Прозы чтитель молчаливый,
Уши виршами деретъ.
Успокоился ревнивецъ;
И ревнуетъ мужъ счастливецъ.
Щеголю широкъ жилетъ —
И поршню достается....
А красавица смѣется,
Что объуженъ ей корсетъ.

Спалъ старинушка моложе,
Вышелъ рускую плясать.
И старушкѣ снится шо·ке.
Масперъ спалъ слѣпой писать.

Мѣряя сукно, купчина,
Не щадитъ въ рукахъ аршина.
Радость!.. ушлянулъ вершокъ.
Мѣлкій лавочникъ — повѣса
Отъ обмѣра, и обвѣса
Тоже видитъ барышокъ.

Сорвалъ банкъ дѣлецъ каршежный,
Счастіе кладетъ въ карманъ.
А слуга неосторожный,
Зашивая свой кафтанъ,
Чѣмъ-то стукнулъ... онъ проснулся,
Грустно къ стѣнкѣ отвернулся;
И съ пахмуреннымъ челомъ
Грезитъ на яву игрою.
Сонъ услужливый съ мечтою
Игрока прикрылъ крыломъ.

За прилавкомъ въ магазинѣ
Продавица модъ сидитъ.
Передъ ней въ большой корзинѣ
Всяка всячина лежитъ.
Все то — новости Французски,
И все — дрянь, сказать по Руски.
Но Парижское клеймо —
Талисманъ простыхъ, и знати? . .
И скажу теперь я къ стати:
Мода грѣшнымъ намъ ярмо!

Кто-то въ модную свѣтлицу
Дверь поспѣшно отворилъ,
И взглянувъ на продавицу,
Важно ей проговорилъ:
Худо вамъ, залетны Феи!
На Французскія затѣи
Честь завѣтная сбыла.
Люди стали здѣсь дѣльнѣе;
И родное имъ милѣе.
Ваша слава отжила!

Дань тяжелую за моды
Переспанутъ вамъ плашишь.
Какъ велось въ старинны годы,
Такъ хотятъ — по Руски жишь:
Всѣмъ понятно стало дѣло,
Отъ чего страдаешь шѣло,
Грудь и головы боляшъ.
Вашу стяжку, ваши цляпки,
Ваши вѣшреныя тряпки
Рускій не взлюбилъ климашъ.

Не бывашь тому во вѣки!
Гнѣвно молвила мадамъ:
Развѣ вверхъ пойдутъ всѣ рѣки. . .
Все въ три-дорога продамъ,
Что ни видишь въ магазинѣ;
И умру здѣсь на чужбинѣ

Съ той же честью, какъ жила!
Но не всякимъ сновъ навѣтамъ
Можно вѣришь. . . по примѣтамъ,
Ночь уноситъ, что дала.

И меня мечтой игривой
Сонъ коварный искусилъ.
Время младости счастливой
Онъ обманщикъ воскресилъ.
Полный жизни, думъ отрадныхъ,
Я гулялъ въ лѣсахъ прохладныхъ
Милой родины моей.
Все, какъ прежде, вдаль манило;
Все ушѣхою дарило.
И знакомый соловей —

Пѣсни сладостнымъ привѣтомъ
Встрѣтилъ путника въ глуши.
Птички съ частымъ перелетомъ
Слушали пѣвца въ тиши.
Такъ какъ прежде въ юной жизни
Слушалъ я пѣвцовъ отчизны.
Милы звуки Русскихъ лиръ;
Милы нѣги грустной слезы;
Милы и мечты и грезы —
Милъ волшебный Бардовъ міръ!

Спитъ роскошнымъ сномъ Столица.
Время за-полночь идетъ.
Не свѣтлы у знати крыльца.
Огонька въ гостиныхъ нѣтъ.

Смолкла челядь говорлива,
Беззаботна, нерадива,
Гдѣ попало, тамъ и спитъ.
Спитъ фонарщикъ упомленный:
Свѣтъ луны благословенный
Отдыхомъ его даритъ.

Подъ снѣговымъ одѣяломъ
Миренъ отдыхъ мостовой.
На хребтѣ ея усталомъ
Не толпится шумный строй
Пѣшеходовъ, экипажей,
Санокъ, и саней съ поклажей.
Гулъ ѣзды и голосовъ
Усыпленъ ночнымъ покоемъ.
Не катятся съ хриплымъ воемъ
Стаи грузныя возовъ.

Только стражи окликаютъ
Стражей посланныхъ въ дозоръ.
Да собаки кой-гдѣ лаютъ,
Стерожа хозяйскій дворъ.
Спитъ кузнецъ, и мѣхъ не дуетъ,
Въ горнѣ пламя не бушуетъ,
И желѣзо не шипитъ.
На землѣ съ мешлой, съ лопашкой
Недругъ наковальни гладкой —
Молотъ брошенный лежитъ.

И въ колодезяхъ насосы
Къ водопою не скрипятъ.
И на фабрикахъ колёсы
Не вертятся, не шумятъ.
По основѣ недошканной
Не скользитъ челнокъ верпляной.
Берды въ шканяхъ не стучатъ.
Всѣ снаряды угомонны;
И фабричные всѣ скромны
По причинѣ той, что спятъ.

Лишь игла въ рукѣ поршнова
Такъ и сякъ сквозитъ сукно.
Шьется, модная обнова.
И не скромное окно
Кажетъ улицѣ мученье —
Бѣдныхъ мальчиковъ ученье.
Имъ владыка — злой заказъ.
Вѣчно дни для нихъ урочны.
Всѣ часы, минуты срочны,
Моды душитъ ихъ приказъ.

Въ свѣтломъ теремѣ дѣвицы
Огонекъ давно потухъ.
И восходъ младой денницы
Встрѣтилъ пѣснію пѣтухъ.
И еще привѣтъ... И тоже...
Спитъ краса; — и ей на ложе

Сонъ пахнулъ съ крыла мечтой.
Видитъ дѣва — другъ заботы,
Видитъ дань своей работы,
Ввечеру лишь начатой:

Подъ ея рукою бѣлой
Вотъ онъ скачетъ, какъ живой
По канвѣ Донецъ нашъ смѣлой
Въ молодецкій съ Туркомъ бой!
Еслибъ рамка золотая!
Молвитъ дѣва молодая.
Рамка блещетъ передъ ней.
Еслибъ стекльшко!.. гопово.
Вотъ еще одно бы слово
Подъ картинкою моей!...

И не вымолвя, проснулась.
Тайна въ сердцѣ замерла.
Ей Аврора улыбнулась,
Будто тайну поняла,
Будто ждетъ съ признаньемъ ласки,
Сквозь стекло глядитъ ей въ глазки.
Дѣва — жизни юный цвѣтъ.
Въ цѣломудренномъ испугѣ
Шлетъ безмолвной дѣвѣ подругѣ
Вспышку личика въ отвѣтъ.

Слышитъ воинъ бой тревоги:
Безъ ноги онъ придцать лѣтъ.
Но вскочилъ на обѣ ноги,
И команды чутко ждетъ.

Кривосудъ, дьяку надиво,
Судишъ о дѣлахъ правдиво,
И вертится дьякъ лисой.
А къ судейшѣ искусишель —
Пробрался тайкомъ просишель
Съ запрещенною кисой.

Есть у всѣхъ свои причуды,
Свой особенный зарокъ.
Для иныхъ прибытки худы,
Все не такъ, и жизнь не впрокъ,
Если съ кѣмъ не побраняшся.
А другіе все миряшся;
И на каждой мировой
Для порядка, для веселья,
Или просто опъ бездѣлья
Выпьютъ съ новою враждой.

Но опъ сонной нашей грезы,
Какова она ни есть,
У другихъ не каплютъ слезы,
И ни чья не спраждетъ честь.
Наяву другое дѣло.
Чернымъ спавимъ то, что бѣло.
И такой несчастный бредъ,
Чѣмъ бы ни былъ онъ прикрашенъ,
Такъ какъ градъ для мирныхъ пашенъ,
Не обходится безъ бѣдъ.

10.

СУЕТА СУЕТСТВІЙ, ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА.

Екклесіаста 1. 2.

Ошкуда дни шакъ чудно льются,
И не возвратные они
Куда шекутъ, куда несутся
Ушѣхъ и Скорби нашей дни?
Куда уносятъ понемногу
И нашу жизнь, и думъ тревогу,
И сладкихъ упѣній сны?
Что шамъ въ шаинственной той сѣни,
Куда со свишой приключеній
Чредой мелькаютъ наши дни?

Что шамъ, куда сшезей печали
Мы спранники земли идемъ?
Гдѣ наши радосши ошспали?
Гдѣ ошдыхъ ошъ забошъ пайдемъ:
Въ чершогѣ-ль пышносши богашомъ,
Иль шамъ, гдѣ скупосшь мрешъ надъ злашомъ,

Иль въ шумныхъ роскоши пирахъ?
Въ странѣ прискорбій нѣтъ покоя.
Мы вянемъ, какъ цвѣты отъ зноя
И въ сладкой негѣ, и въ прудахъ.

Куда сокрылися народы —
Владыки древности сѣдой;
Куда и нынѣ смертныхъ роды
Съ земли уходятъ чередой?
Преходишь все, какъ сонъ, земное.
Не вѣчно небо голубое,
Не вѣченъ свѣтлый чинъ планетъ.
Есть часъ конца всему завѣтный.
Запнется вѣкъ скоролетный,
И бездыханенъ упадетъ.

На лонѣ жизни смерть гнѣздится;
Зародышъ — тлѣнію пріютъ.
Все жертва смерти, что родится;
Истлѣетъ все, что создалъ трудъ.
Стоятъ-ли стѣны Иліона;
Грозитъ-ли башня Вавилона
Осадой буйной небесамъ;
Встрѣчаетъ-ли Аврору стономъ
Печальный камень надъ Мемнономъ (*),
И Фаросъ видѣнъ-ли пловцамъ?

(*) Баснословная древность почитала Мемнона сыномъ Авроры. При восходѣ утренней зари надгробный памятникъ его издавалъ плачевные звуки.

Махнешъ крыломъ могучимъ время —
И царства свѣяны съ земли.
Махнешъ другимъ — гигантовъ племя
Лежитъ безжизненно въ пыли.
Упали съ ними ихъ твердыни.
Замелъ ихъ гробы вѣтръ пустыни.
Цвѣли гдѣ села средь полей,
И дѣвъ веселы хороводы
Гуляли на пирахъ природы,
Тамъ, вьются вереницы змѣй.

Рвешъ буря хижины, и домы,
Смываешъ зданія вода;
Чертогъ и башню рушатъ громы,
Земля глотаетъ города.
Болѣзни, голодъ — смертнымъ казни!
И смертный самъ. — Онъ безъ боязни
Въ порывахъ сердца роковыхъ,
Въ алчбѣ богатства, въ жаждѣ мести,
Для счастья, прибыли, для чести
Готовъ всегда губить другихъ.

Но тамъ-ли счастье, гдѣ навѣты;
И тамъ-ли честь, гдѣ правды нѣтъ?
Прочтите Мудраго отвѣты:
Тамъ все-лишь суета суетъ.
Все льстивый плодъ безъ услажденья —
Все — образъ пышный привидѣнья.

Богачь прибышкамъ сводишъ счёшъ,
И цѣлый вѣкъ о нихъ крушишся.
Душа голодная томится
Рабой желаній, и заботъ.

Для бранныхъ подвиговъ, для славы
Полсвѣта раззорилъ герой,
Народамъ далъ свои уставы
Окровавленною рукой.
Цари, и царства въ рабской долѣ
Его желѣзной служатъ волѣ.
А онъ въ тоскѣ... онъ вновь горитъ
Желаньемъ бишвъ... И надъ могилой
Росшенъ ужь кипарисъ унылой,
Гдѣ онъ — невольникъ славы спитъ.

Спитъ тотъ во глубинѣ могильной,
Кому казался тѣсенъ міръ,
И на могучемъ червь безсильной
Заводитъ свой ужасный пиръ.
Пришелъ ко гробу величавый
Великихъ другъ — пѣвецъ ихъ славы,
Взглянулъ... печаленъ прочь идетъ.
Въ міръ свѣтлый чистыхъ вдохновеній
Не входятъ злыхъ страшилищъ тѣни.
У Бардовъ имъ и пѣсенъ нѣтъ.

Вельможа, доблестный дѣлами,
Стражъ общей пользы и добра,
Какъ ясный мѣсяцъ межь звѣздами,
Возвышенъ честью у двора.

Но горе съ нами неразлучно.
Вельможѣ тяжело, и скучно:
Въ немъ къ ближнему любови нѣтъ.
Онъ зависти другихъ боится.
А зависть въ немъ самомъ таится.
Что жь знатность? Суета суетъ!

Мудрецъ безъ вѣры, жадный чести,
Разбросилъ въ области наукъ
Предъ испиною сѣти лести,
Какъ передъ солнышкомъ паукъ.
И самъ не видя Божья свѣта,
Манитъ другихъ къ себѣ въ тенета.
Но умный кто къ нему пойдетъ?
Безъ вѣры мудрость — лесть пустая,
Игрушка мысли бѣдовая —
Врагъ духа — суета суетъ!

Сынъ роскоши въ мечтахъ холодныхъ
Обломокъ жизни удалой,
Среди ласкателей голодныхъ,
Оканчиваетъ бытъ земной
За яствами, съ сосѣдомъ въ ссорѣ,
Съ заимодавцемъ въ длинномъ спорѣ;
Кипридѣ отдаетъ досугъ.
Ему краса, какъ Геба, служитъ.
О чемъ же сластолюбецъ тужитъ?
Въ немъ сластолюбія недугъ!

И вотъ его надгробный камень
Стоитъ въ печальной красотѣ!
На немъ изваянъ сердца пламень,
И Вѣра въ свѣтлой чистотѣ.
Подобна матери унылой,
Безмолвной грустью надъ могилой,
Она живымъ урокъ даетъ:
Взгляните, дѣти заблужденья,
Что здѣшней жизни наслажденья? —
Не суета-ль они суетъ?

Безсмертенъ духъ... дѣла святыя
Ему и радость и краса,
И крылья славы золотыя
Летятъ съ земли на Небеса.
Любовь, и Вѣра, и Надежда —
Нетлѣнная ему одежда.
А знатность, почести, чины,
И радости земли, и горе
Остануться въ житейскомъ морѣ
Игрушкой бурныя волны.

II.

ЧАРОДѢЙ.

(Спаринное преданіе).

Вепарь бывали чародѣи,
Злыя вѣдьмы — племя Фей;
Были хищники — Кащеи,
Былъ уродъ — Горыничь змѣй.
Жилъ народъ тогда препрóстой,
И боялся, какъ бѣды,
И кометы долгохвостой,
И скатившейся звѣзды.

На пиры честны́е брачны
Чародѣй незванный шелъ,
Средь гостей веселыхъ мрачный
Онъ садился, пилъ и ѣлъ.
Былъ просторъ для привидѣній,
И разгулъ вездѣ духамъ;
Изъ могилъ порхали тѣни,
Ровно пшички по ночамъ.

Посѣщали кровъ, имъ милый,
Шли злодѣевъ устрашать.
Пропоетъ пѣтухъ... въ могилы
Грустны пряталисъ опять.
Много дивныхъ дѣлъ чрезъ мѣру
Запаила старина;
И не всякой дастъ имъ вѣру
Въ наши умны времена.

Тамъ, гдѣ Шумарь серебрился,
Тихоструйная въ лугахъ,
И съ отлогихъ горъ глядится
Частый боръ въ ея водахъ, —
Тамъ стоялъ въ старинны годы
На холмѣ боярскій домъ;
Пашня, садъ, и огороды
Облегли его кругомъ.

Близъ хоромъ спѣсивыхъ панскихъ,
Какъ при крѣпости посадъ,
Десять хижинокъ крестьянскихъ
Смирно выглянулись въ рядъ.
Три ста псовъ борзыхъ и гончихъ
Размѣщались по клевамъ;
И аршель досужихъ ловчихъ
Работѣстовала псамъ.

Домъ снаружи изукрашенъ
Пѣтушками и рѣзбой,
А внутри пріятно-страшенъ,
Убранъ збруей боевой:

Сабли изъ Дамасской спали,
Писполеты, рядъ фузей
Грозно на стѣнахъ сіяли
Межь охотничьихъ ножей.

И арапники плетены,
И рога, и чепраки,
Родовые и дарены,
И черкески башлыки —
Ушварь псовыя охоты —
Наполняли барскій домъ.
Въ немъ бояринъ безъ заботы
Жилъ съ супругою вдвоёмъ.

Не подкупный — безъ зароку
Стражъ господскаго добра,
День и ночь ходилъ по блоку
Песъ цѣпной среди двора.
Вспарь и въ умъ не приходило
Паръ въ карепы запрягать,
Жечь дрова, калить горнило,
Паромъ воду чтобъ качать.

И не мало шло народу
На боярскій дворъ глядѣть,
Колесомъ вершѣлъ какъ воду
Изъ колодезя медвѣдь.
Какъ сопутникъ двумъ драконамъ
На шпилѣ кружился ракъ,
Кошки глиняной къ поклонамъ
Воронъ каркалъ всѣмъ: дуракъ!

Жилъ бояринъ, забавлялся
Лѣшомъ въ полѣ, и въ лѣсахъ;
А зимой, катаясь, мчался
Въ запускъ съ вѣшромъ на саняхъ.
Строгъ къ крестьянамъ... но и ласки
Не лишалъ ихъ въ добрый часъ;
Хошь всегда съ нимъ для острастки
Былъ арапникъ на запасъ.

Всѣмъ окружнымъ было въ-диво,
Что не знатныхъ онъ родовъ,
Жилъ богато, и счастливо,
И держалъ три сотни псовъ.
Хлѣбосолъ своимъ сосѣдямъ,
Добрый къ близкимъ, и къ роднѣ,
Страшенъ былъ въ лѣсахъ медвѣдямъ,
И подъ часъ своей женѣ.

То ласкался къ ней лукаво,
То страшилъ, какъ люшый звѣрь.
Съ ней поспоритъ... вкругъ направо,
Пригрозитъ, захлопнетъ дверь.
А она его любила;
Онъ и самъ ее любилъ.
Но вмѣшалась шемна сила.
Темной силѣ онъ служилъ.

Встанетъ ночью, выйдетъ, свиснетъ,
И завоетъ ближній лѣсъ;
Надъ дворомъ какъ что нависнетъ;
Звѣзды сыплются съ небесъ.

Онъ споитъ, кричитъ, смѣется;
И въ отвѣтъ ему безъ словъ
Дикимъ ревомъ раздается
Тьма ужасныхъ голосовъ.

И однажды въ день воскресный
Онъ кудесилъ, какъ привыкъ;
Вдругъ ударилъ громъ небесный,
И присѣкъ ему языкъ.
Плачетъ добрая супруга,
И рабы сбѣжались къ ней.
Не поможетъ ихъ услуга:
Бездыханенъ чародѣй!

Въ гробъ дубовый положили,
На погостъ его свезли;
И, отпѣвши, схоронили
Въ нѣдрахъ хладныя земли.
Помянули, разошлися
И чужіе, и родня.
Въ грустномъ домѣ заперлися
Чтецъ псалтири, и жена.

Три усердныя служанки,
Трое старыхъ вѣрныхъ слугъ,
Чинно спали у лежанки,
И съ чтецомъ молились въ-слухъ.
Солнце сѣло.... западъ пышетъ,
Туча виснетъ надъ рѣкой,
Вѣтерокъ съ холма чуть дышетъ,
Палъ на лугъ туманъ сѣдой.

Ночь накрыла.... время длится.
Тяжко время похоронъ!..
И вдовѣ въ тоскѣ не спится.
Чей-то чудится ей стонъ.
Гаснетъ лучь зари послѣдній;
Блещетъ молнія вдали;
На кладбищѣ вспыхнулъ блѣдный
Огонекъ изъ-подъ земли.

Зашумѣло, загудѣло,
Будто буря пронеслась.
Кто-то псовъ скликаетъ смѣло.
Псарня адомъ поднялась.
Гость со псарни прямо къ дому,
Распахнулись ворота.
Домъ трясется, какъ отъ грому,
И трепещетъ сирота.

Затрещали, отворились
Двери въ домѣ наконецъ.
Слуги въ уголъ прiютились;
Входитъ въ саванѣ мертвецъ.
Страшный щелкаетъ зубами;
Синій пламень во очахъ.
Чтецъ читаетъ со слезами —
Онъ пустынный былъ монахъ;

Не боялся адской силы.
Жизнь провелъ въ святыхъ трудахъ;
И, стуня на край могилы,
Духомъ жилъ на Небесахъ.

Прочь, старикъ! я здѣсь хозяинъ!
Пропусти меня къ женѣ!
Возвратись во гробъ, боярин,
И покойся въ тишинѣ!

Раздался вкругъ дома грохотъ.
Рѣютъ огненны струи.
Слышишь, старецъ! Этотъ хохотъ?
Тамъ они—друзья мои —
Гордые сыны свободы,
Духи — вѣчный смертнымъ страхъ,
Повелители природы,
Безотчетные въ дѣлахъ.

Имъ обязанъ я богатствомъ,
Съ ними радости дѣлилъ;
И, сродняся съ ними братствомъ,
Я о вѣчности забылъ.
Принялъ все отъ нихъ съ любовью,
Слабодушію въ укоръ;
Подписалъ моею кровью
Съ ними грозный договоръ.

Зналъ всѣ тайны я природы,
Все, что скрыто отъ людей.
И огонь, и вѣтръ, и воды
Воли слушались моей.
Лишь жена... сперва боялся,
Обольщалъ.. не могъ склонить.
Мнѣ велѣли.... я поклялся
Непокорную убить.

Но она перехитрила.
И громовая стрѣла....
Страшно... есть другая сила!..
Съ ней коварной развела.
Снова слышенъ адскій грохотъ,
Снова бѣгаютъ огни.
Это ихъ веселый хохотъ!
Прочь, старикъ! Идутъ они.

Передъ ними надъ женою
Я исполню мой обѣтъ;
И во гробъ возму съ собою.
Пусть живая тамъ сгніетъ!
Пусть твой трупъ гноитъ могила,
Какъ во тмѣ твой тлѣетъ духъ!
Молвилъ старецъ: крестна сила
Съ нами! и запѣлъ пѣтухъ.

Весь трясется призракъ слабый,
Будто слышитъ громъ Небесъ.
Во уста впились двѣ жабы.
Обдалъ смрадомъ, и изчезъ.
Слуги бѣгали, искали
Утромъ чуднаго чтеца.
Не нашли.... И не видали
Въ домѣ больше мертвеца.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

БАСНИ (*).

1.

ОРЕЛЪ И КУНИЦА.

Къ орлу подкралася куница,
И сѣла на него верхомъ.
На грѣхъ тогда царь-птица
Гулялъ въ лѣсу пѣшкомъ.
А у куницы съ нимъ былъ судъ, и дѣло
За то, что онъ ея дѣтей
По нуждѣ, или для забавы
Себѣ на завтракъ взялъ. И потому такъ смѣло
Куница сѣла на орла,
Какъ будто съ крыльями сама она была.
Орлу и стыдъ, и горе!
Махнулъ въ воздушное онъ море.
Плывешь, кружится тамъ.. и вотъ онъ въ облакахъ.
Теперь-то разобью тебя, злодѣйку, въ прахъ!
Сказалъ, перевернулся;

(*) Басни, исключая нѣкоторыхъ, писаны Авторомъ въ молодыхъ его лѣтахъ. Примѣч. Издат.

Но онъ недомекнулся;
Куница такъ въ него впилась,
Какъ будто съ нимъ она срослась.
Кровь льется изъ спины орлиной,
Онъ боли богатырь чуть живъ.
Ужь если смерть и намъ дана судьбиной,
Онъ молвилъ про себя: какъ былъ бы я счастливъ,
Когда бы здѣсь вдали отъ дома
Я могъ присѣсть... заснуть въ гнѣздѣ широкомъ
грома,
И шутъ-бы огненна спрѣла
Сдружила съ смертію орла.
Взовьюсь еще... еще надъ облаками!
А самъ усталыми крылами
Невольно правитъ внизъ по вышинѣ
Съ врагомъ жестокимъ на спинѣ.
И сколько послѣ ни кружился;
Но въ тотъ же лѣсъ опять спустился.
Куница все на немъ, какъ сущая змѣя;
И говоритъ она орлу: сказать безъ лести,
Ты слишкомъ много мнѣ доставилъ чести,
Носилъ въ заоблачны края;
И гдѣ бы тамъ бывать куницѣ,
Куда не долетѣть другой и птицѣ?
То вправду орлиная страна!..
Но услужить тебѣ и я умѣю.
И тотъ же часъ орлу она
Зубами перестригла шею.
И тѣмъ не кончилось... Куницы всѣ вездѣ
Съ тѣхъ поръ съ орлами во враждѣ.

И былъ тому еще примѣръ не давно,
На Альпахъ кончилъ жизнь орелъ
безславно
Отъ острыхъ этого звѣрка когтей,
Оставя можетъ быть сиротъ дѣтей.

Орлы въ быту людей разумномъ —
Вы, Геніи! въ своемъ полетѣ шумномъ
Не забывайте никогда,
Что васъ слѣдятъ внизу куницъ стада!

2.

ЛИСИЦА И КОШКА.

Лисицы хитростни славнымъ примѣромъ,
И могутъ спашь въ ряду со всякимъ лицемѣромъ.
Такаяжъ, какъ въ плутахъ, и совѣсть въ нихъ,
и честь.
Но тожъ, какъ на плутовъ, на нихъ проруха есть.
Крестьянинъ, разсердясь за воровство на кошку,
Въ мѣшокъ ее... и разомъ снесъ
Въ дремучій лѣсъ,
И плетью заказалъ назадъ къ себѣ дорожку.
Живетъ изгнанница и день, и два, и пять.
Вдругъ ночью къ ней лиса дозоромъ шасть!
Лѣсная госпейка бѣду смекнула,
На ель высокую юркнула,
И припаилася, какъ воръ.
Но лисанька прямой дозоръ!
Тотчасъ подъ ель она, и съ кошкой въ разговоръ:
То правда, всѣхъ деревъ красивѣй эта елка;
Но ты, сестрица! вѣдь не бѣлка,
Межъ небомъ, и землей тебѣ не чинно жить!
Прошу отъужинать ко мнѣ, и погостить,

Понравишся... на вѣкъ дѣлю съ тобою нору.
А въ ней и льву бы жить такъ въ пору.
Съ лежанкой печь, въ близи чуланъ;
И шамъ со сливками не кринка — цѣлый чанъ.
Жить можно, право! безъ заботы.
А для охоты?
Лишь не лѣнись охотиться, мой свѣтъ!
Подпольной дичи счёту нѣтъ.
Да если разобрать породу,
Мы одного съ тобой и роду.
И ты, и я... на насъ обѣихъ шерсть,
И въ лапахъ когти есть;
Коротkіе ушки, какъ иглы, зубы,
Съ улыбочкою губы;
Низенекъ твой немножко ростъ;
За то, смотри, какой пушистой хвостъ!..
Ишти къ тебѣ я очень рада,
Сказала кошка ей. Но вотъ моя досада:
Больнехонька вѣдь я, и съ мѣста не сбреду!
Такъ чтожь? я сяду здѣсь, и подожду.
Да можетъ, я умру, иль долго прохвораю;
А другу за секретъ скажу, что знаю:
У мужика, гдѣ я жила, индѣйка есть.
Вотъ, еслибъ мнѣ ее кусочикъ съѣсть,
Я тотъ часъ же былабъ здорова.
Не подстерегъ бы кто пріятельскаго слова!
Въ деревнѣ къ лѣсу крайній дворъ,
Лазейка съ поля подъ заборъ;
Взойдешь — и въ прехъ шагахъ лачужка,
Точь въ точь куряшникъ.. въ ней индюшка

Сидитъ прежирная... хозяинъ самъ глухой.
Жена лишь знаетъ пряжу;
Собакъ онъ скупости не держитъ ни одной.
Индѣйку кормятъ на продажу,
И завтра же, чѣмъ свѣтъ,
Мужикъ на торгъ ее свезетъ.
Онъ радости чуть духъ лисица переводитъ,
И только глазками поводитъ;
И у плуговки тотъ расчетъ:
Индѣйку бы достать, а кошка не уйдетъ.
Онъ ели прочь она, и за опушку,
И полемъ въ деревушку.
Къ крестьянину на дворъ
Нырнула подъ заборъ...
И прямо на барбоса.
А тотъ рычитъ, крутитъ воровку безъ допроса.
Два сына, и мужикъ впроемъ
Сбѣжались, и давай катать лису дубьемъ.
И на ея же горе
Откуда ни взялась воръ — кошка на заборѣ,
И больше злобитъ челядню
На новую свою родню.
И кончилося тѣмъ: съ лисы слетѣла шкура.
Ну, какъ не скажешь здѣсь: хошь и лиса, а дура!
А кошку мужичекъ на радостяхъ простилъ,
И къ должности опять при домѣ допустилъ.

Для выслуги такъ вора воръ
Вспарь къ сыщикамъ лихимъ заманивалъ на дворъ.

3.

ВСТРѢЧА.

(Притча.)

Винишь себя никто изъ насъ не любитъ,
И даже въ томъ, чѣмъ самъ себя кто сгубитъ.
Всему виновники у насъ:
То счастье, то судьба, то встрѣча съ кѣмъ не
въ часъ.
Вотъ этимъ мы должны сосѣдушку-пролазу.
А то попритчилося съ глазу.
И мало-ли примѣтъ,
Которымъ вѣритъ свѣтъ;
Хоть всякая примѣта
Едваль не такова, какъ притча эта:
Прохожихъ трое шли Москвой —
Они крестьяне были,
И ладно межъ собой,
Какъ братья говорили
И дѣльное, и всякой вздоръ,
Ну! словомъ дружескій имѣли разговоръ.
Но больше къ одному клонилися ихъ рѣчи,
Боялися они не доброй встрѣчи.

Ужь вошъ они на Моховой,
Идушъ и далѣе; а встрѣчи нѣшъ худой.
Но только лишь они къ Театру подалися,
Опкуда ни взялися
На встрѣчу два жида.
Ахъ-ти, ребяшушки, бѣда!
Сказалъ одинъ; другіе подхвашили,
И всѣ впроемъ швердили:
Не бышь пуши!
Не лучше ли назадъ идши?
А сами ши-да шли
Впередъ, и безъ оглядки;
Мѣлькаюшъ только пяшки.
Они поклажицу несли,
И не свою, и не чужую.
Имъ гдѣ-шо удалось обшарипь кладовую;
И лучшенькое чшо шамъ было въ сундукахъ,
То все теперь у нихъ въ рукахъ.
Они не бѣглые: у нихъ плакашы,
И смѣшливы они, и плушовашы,
И бойки на опвѣшъ,
За ними же погони нѣшъ.
Такъ можно бы на славу
Въ любую имъ пройши засшаву,
И прямо ко дворамъ.
Но какъ-шо изспари ворамъ
Засшавы не по нраву...
Прохожіе на искосокъ
Пусшились черезъ валъ, да шопчасъ и въ лѣсокъ.
То роща Марьина. Въ орѣшникѣ засѣли,

И ношицу свою порядкомъ оглядѣли;
И придцать тысячь въ ней
Нашлось бумажками — одна другой новѣй,
И что бы этому народу
По равной долѣ взять, шакъ и концы всѣ въ воду!
Нѣтъ! надо помудрить,
И по заслугамъ раздѣлить.
А если гдѣ хотя не воры
Затѣють о заслугахъ споры,
Полезетъ всякой спашь напереди;
И шутъ добра не жди!
Одинъ передъ другимъ воришки дай хвалиться,
И начали слегка сердиться.
А далѣе и споръ, и шумъ;
И не пришло же имъ на умъ,
А это не было бы лишекъ,
Что шамъ въ защиту отъ воришекъ
Сторожевой Козацкой станъ;
И Козаки, какъ разъ, накрыли;
Сперва нагайкою воришекъ почесшили,
Да по Козацки на аркашъ,
И съ кражей на расправу
Предстявили въ Управу.
А шамъ спросили: какъ зовутъ,
И отослали въ судъ.
Что воры ссорились напрасно,
То послѣ всякой видѣлъ ясно,
Когда о равенствѣ въ чинахъ
Урядъ на Конной имъ писали на спинахъ.

Ужь вопъ
Идутъ и далѣе; а
Но только лишь

Скэ

чь и люди
у спашь,
ъ буди!
мощь дашь,

ъ;

4.

МЕДВѢДЬ И ВОЛКЪ.

Теленочкомъ Медвѣдь изъ спада поживился,
И только что его освѣжевалъ,
Да за обѣдъ садился,
Къ нему волкъ въ гости прибѣжалъ,
И, хлѣбъ, — да соль! сказалъ сосѣду.
Такая рѣчь весьма идетъ къ обѣду;
И водится вездѣ гостей просить за столъ.
Но миша съ роду былъ не хлѣбосолъ,
Молчитъ — себѣ, да ѣстъ... Волкъ, видя неудачу,
Еще примолвилъ: кумъ! взгляни, я плáчу!
Пришелъ ужасный переводъ
На нашъ звѣриный родъ!
Такъ злобны пастухи, такъ лихи ихъ собаки,
Что мимо не дадутъ пройти безъ драки.
И даже здѣсь у насъ то яма, то капканъ;
И это все отъ нихъ. Да нашъ же братъ буянъ!
На что смиренъй лисы, и ту вчера поддѣли,
И срамники они — всю до нага раздѣли.
А намъ чего ужь ждать? Да что и говорить,
Хоть лапы на себя приходится наложить!

Я три дни безъ куска шатаюсь, какъ безумный;
Обѣгалъ всѣ поля, околицы и гумны,
А толку нѣтъ...
Эхъ, кумъ!
Сказалъ ему Медвѣдь: взялся бы ты за умъ.
Ты наперъ на одно мясное,
Какъ будто бы во вредъ все кушанье лѣсное.
По нашему ѣшь все, что есть,
Такъ будешъ на тебѣ поглаже шерсть.
Чего-то нѣтъ у насъ?.. вотъ здѣсь крушина,
Тамъ въ ельникѣ малина;
Мѣстами есть и медъ... Близехонько вода.
А если вздумаешь отъ скуки и въ спада,
То вывѣдай сперва собаку,
Потомъ и пастуха.. На забіяку
Не напирай;
Гдѣ плохо, не зѣвай!
Такъ здѣлаешь и дѣло,
И на тебѣ все будетъ цѣло.
А къ этому еще, когда бы намъ подъ спать,
И лапу ты свою умѣлъ сосать...
Такъ миша говорилъ, да кушалъ;
А гость зѣвалъ, да слушалъ,
И тутъ же съ горя взвылъ,
Да вглушь—и слѣдъ простылъ.
И нечего тужить объ ворѣ!
Волкъ самъ другимъ не вѣритъ въ горѣ.
И мишка дѣльно поступилъ,
Что на тощакъ его медвѣжьему училъ.

А жаль, что есть и люди
Точь впочь на эту спашь,
Не въ осужденіе имъ буди!
Гдѣ бъ должно бѣднымъ помощь дашь,
Они на тысячу предметовъ
Имъ тысячи дадутъ совѣтовъ;
Раскажутъ, что начать, и какъ и чѣмъ,
Да и отпустятъ съ тѣмъ.
Вдаль нечего ходить.... Въ пожаръ липившись
дома,
Семенъ пришелъ просить о помощи Пахома,
И, надобно сказать, Семенъ совсѣмъ не волкъ.
Но чѣмъ же надѣлилъ богачь Семена?
Совѣтомъ зимовать въ ометѣ сѣна....
Ну, не медвѣжей-ли въ Пахомѣ толкъ!

ЩЕНОКЪ И ХОРЕКЪ.

Надъ волчей ямою въ лѣсу
Охотникъ привязалъ щеночка къ колесу,
И наносивши хламу,
Прикрылъ искусно яму,
А самъ съ собакою вдвоемъ
Пустился по лѣсу съ ружьемъ.
Щенокъ одинъ въ тоскѣ и въ горѣ
Вижжитъ, и воетъ на просторѣ.
И нечего дивишь... Попробуй-ка кто сѣсть
Надъ ямою живцемъ для волка на насѣсть!
Щенку же привелось и въ лѣсъ зайти впервые.
Но, видно, и въ лѣсахъ не всѣ-то звѣри злые.
Послушай-ка, дружокъ!
Сказалъ ему съ сосны Хорёкъ:
Напрасно ты кричишь, сиди смирненько;
Хоть снизу подойти къ тебѣ трудненько;
Но здѣсь такіе воры есть,
Которымъ ни по чемъ и сверху влезть;
Смотри, чтобъ кто тебя не прибралъ для обѣда;
Мнѣ, право, жаль сосѣда!
Не ты ли это воръ? вскричалъ щенокъ:

Такъ я шакому вору
Самъ разомъ укажу дорогу въ нору!
И видно, что въ щенкѣ щенячій былъ умокъ.
Не слушалъ добраго онъ слова.
И чѣмъ бы глупому молчать,
А онъ пустился снова,
И пуще прежняго вижжать,
Какъ будто бы его кто дергалъ за живое.
И дѣло вышло бѣдовое.
Откуда ни взялся Орелъ,
На бѣднаго щенка насѣлъ,
И клёвомъ у него въ два раза
Вонъ вырвалъ оба глаза.
А вскорѣ ошъ всего щенка
Остались косточки, да шкурки два клочка.
И жаль щенка; но самъ не правъ онъ много.
Такъ нечего и толковать.
Его ужь не подняшь.
А, думаю, меня винить не будутъ строго,
Когда щенкову здѣсь бѣду
Въ примѣръ къ Федоту приведу.
Федота кое-чѣмъ безвинно оскорбили.
Кому-то въ жизни безъ того!
Что дѣлать, брашъ, снеси! Федоту говорили
Друзья, и сродники его.
А онъ, свой шѣша правъ упрямой,
Ни чушь не думаетъ молчать;
Давай сердишься, дай кричать,
Не лучше, какъ щенокъ надъ ямой.
И что кому онъ сдѣлать могъ?

Надъ нимъ же вскрылося бѣдою.
Спакнувшись недруги его между собою,
Свернули бѣдняка въ бараній рогъ.
Вчера томился онъ еще въ печали;
А нынѣ поминай его, какъ звали!

6.

ОВЦА, СВИНЬЯ, ПАСТУХЪ И ВОЛКЪ.

Свинья съ овечкой вмѣстѣ жили,
И обѣ одному хозяину служили.
И чтобы, кажется, дѣлишь?
Ну, коли дѣло мирно жишь?
А свинью урезонь... все ладишь по свиному:
Вѣдь одного съ овцей мы дому.
За чѣмъ же ей другая честь?
Въ ней только и добра, что шерсть;
И ни клочка щетины....
Ну, право, нѣтъ глупѣй скотины;
Да счастье дуракамъ!.. Ей свѣжая вода,
И хлѣбецъ, и сѣнцо, и ласки завсегда.
А намъ плеснутъ помой — и то все съ бранью;
И пробавляйся всякой дрянью;
Терпи и нужду и морозъ.
Опустишь поневолѣ носъ!
Овца сносила, и молчала,
И безъ досады ей —
Ворчуньѣ угождала.
Но можноль сладить со свиньей?
Случилось на бѣду овечки:

Въ день жаркій на лугъ изъ-за рѣчки
Злодѣй прокрался волкъ,
Схватилъ овечку, поволокъ
Въ свои припоны вонъ изъ спада.
Свинья шому и рада.
О зависшь, зависшь! гдѣ, когда шы не видиа?
Вездѣ грызешь другихъ, и вѣкъ свой голодна!
Знай нашихъ! все по модѣ!
Куда сосѣдушка! кашишь на скороходѣ?
Не намъ чеша! какъ барыню несушъ.
А насъ въ грязи лишь мнушъ,
да шрушъ.
Ну, право! и глядѣшь шакъ мило!
Кричишъ насмѣшница, поднявъ изъ грязи рыло.
И какъ чищенька... для кого?
Овцѣ не до шого!
Напрасно прашила свинья свиныя рѣчи.
Какъ жаркій прошевень овечкѣ волчьи плечи.
Какъ полымя ей волчій духъ.
Но безъ души бѣжишъ паспухъ,
Кричишъ, по воздуху кнушомъ ременнымъ хлыщешъ,
И правишъ лыскою, и свищешъ;
Все ближе, ближе — и конецъ кнуша
Въ плошную съ маха легъ вдоль волчьяго хребша.
Какъ вспрыгнешъ сѣрый воръ опъ небывалой чесши!
Не всѣмъ-шо, видно, кнушъ по шерсши!
Овечку уронилъ,
И полумершвую пожинулъ;
Да прямо на свинью, разинулъ пасшь, и зынулъ,

И поросеночка у ней схвашилъ.
Кидается свинья, грозитъ клыками.
Но гдѣжъ шягашься ей съ волками?
Волкъ шопчасъ въ лѣсъ.
И слѣдъ изчезъ.
Что разшумѣлась ты, грязная!
Сказалъ свиньѣ пасшухъ, овечку поднимая:
Вѣдь швой достойный сынъ
Надѣлъ шеперь овечій чинъ,
И ошъ шебя изъ грязи
Махнулъ на скороходѣ въ князи!
И нечего свиньѣ сказашь.
Хошь больно, а пришлось молчашь.

7.

ДВѢ СОБАКИ.

На псарнѣ гончая собака
Вошла съ борзою въ разговоръ;
И слово за слово, да въ споръ
Про ихъ собачью честь; потомъ у нихъ и драка.
А псарь какъ шутъ.. На нихъ кричитъ,
И ихъ арапникомъ миритъ.
Собаки подъ бичемъ скорехонько смирились.
За что, безумныя, схватились?
Спросилъ ихъ псарь.
Да эта шварь,
Ему борзая отвѣчала:
Меня рѣчами обижала,
Что будто ихъ лишь родъ и нуженъ и хорошъ;
А насъ борзыхъ она не ставитъ въ грошъ.
Но въ дѣлѣ безъ борзыхъ что гончіе — вякушки?
Одно — что по лѣсу бѣгутъ,
Да горло попусту дерутъ,
Не лучше, какъ въ прудѣ лягушки.

А гончая несетъ свое:
Но каково у насъ чутье?
И отъ кого, какъ не отъ гончихъ
Звѣрь изъ лѣсу бѣжитъ на васъ борзыхъ, и ловчихъ?
Безъ хвастовства могу сказать:
Не будь-ко насъ, борзымъ зайчонка не поймать.
Тутъ псарь собакамъ въ наставленье
Сказалъ свое рѣшенье:
Назначено судьбой
Борзымъ скакать полями,
А гончимъ шнырить подъ кустами.
Но обѣ служите для цѣли намъ одной;
Въ охотѣ потому одно вы обѣ шѣло:
Ты, гончая, звѣрей изъ лѣса выгоняй!
А вы, борзая, ихъ на полѣ подбирай!
Теперь понятно-ли вамъ. дѣло?
Чтобъ вашихъ схваткъ впредь я больше не видалъ!
И по разу еще арапникомъ имъ далъ.
А судъ съ прикрасою такою
Кудабъ пригоденъ былъ порою
Для многихъ въ мірѣ забіякъ,
Похожихъ удалью на этихъ двухъ
собакъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Стран.

Янъ Усмовичь 9

ОТДѢЛЕНІЕ II.

1 Пересвѣтъ 51
2 Виршпская Царевна 60
3 Пошопъ 72
4 Въ альбомъ дочери въ день ея бракосочетанія .. 81
5 Прощаніе 83
6 Сѣверное сіяніе 86
7 Воспоминаніе въ 22 Мая 1842 года 90
8 Жизнь 93
9 Ночь 96
10 Суета суетъ 105
11 Чародѣй 111

ОТДѢЛЕНІЕ III.

БАСНИ.

1 Орелъ и Куница 121
2 Лисица и Кошка 124
3 Встрѣча (Притча) 127
4 Медвѣдь и Волкъ 131
5 Щенокъ и Хорекъ 134
6 Овца, Свинья, Пастухъ и Волкъ 137
7 Двѣ Собаки 140

ПОГРѢШНОСТИ:

Напечатано:		Должно читать:
Стр.)	сш.	
21.	15. Спасала ихъ.	Спасали ихъ.
89.	2. Въ Твоихъ дѣлалъ.	Въ Твоихъ дѣлахъ.
91.	13. Но вѣрность счастье.	Но вѣрноль счастье.
138.	22. Все ближе, ближе —	Все ближе —

Slav 4327.81.6
Stikhotvoreniia Starozhila.
Widener Library
003303008
3 2044 085 499 531